

НАТАЛИЯ ЖУРАВЛИКОВА

ДРАКОН
ХОЧЕТ ЖЕНИТЬСЯ?
БАБА ТАСЯ ПРОТИВ!

Наталия Журавликова

Дракон хочет жениться?

Баба Тася против!

<https://litres.ru/74262964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Со своего юбилея отправилась прямиком в Небесную канцелярию а оттуда – на исправительные работы. Видите ли, мой тяжелый характер им не угодил. Поэтому отныне я исполняю роль добродетельной и милой феечки.

Но не все так просто!

На крылатую скромницу претендует наглый драконище.

Что ж, ящер, сложно тебе придется Я если и фея, то с топором.

Содержание

ГЛАВА 1	4
1.2	11
1.3	16
1.4	22
1.5	26
ГЛАВА 2	30
2.2	35
2.3	39
2.4	43
ГЛАВА 3	46
3.2	50
3.3	55
3.4	58
3.5	62
ГЛАВА 4	66
4.2	71
4.4	79
4.5	87
ГЛАВА 5	91
5.2	96
5.3	100
5.4	104
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Наталия Журавликова

Дракон хочет жениться?

Баба Тася против!

ГЛАВА 1

– И как я, пожилая женщина с одышкой должна за один присест задуть все эти свечи на трех ярусах? Вы меня с богом ветра не перепутали?

Я строго оглядела собравшихся. Трое детей, семеро взрослых внуков, восемь правнуков и один в проекте. Подруг всего двое, не все смогли дожить до сегодняшнего дня и при этом не впасть в маразм. Да и насчет прибывших имелись смутные сомнения по части последнего.

И еще для полного счастья – съемочная группа от местного телевидения.

Это не мне приспичило отмечать девяностый день рождения в ресторане. Мероприятие спонсировала городская мэрия, потому что я, видите ли долгожительница и ветеран труда. Им галочку в отчетах надо поставить, а мне это трехъярусное чудовище задувать! Все равно что в пасть дракона залезть.

– Таисия Михална, душечка, – елейным голоском пропе-

ла журналистка, – ну сколько сможете! Мы все смонтируем потом, как нам надо. Загадайте желание и закройте глазки, а потом дуйте!

– Да я эту свою душечку богу отдам уже на пятидесятой свечке, – проворчала я, приступая к задуванию. Если выживу, пойду попрошусь в пожарную бригаду, возгорания локализовать без лишних трат ресурсов.

Я ошиблась. Меня хватило больше, чем на полсотни огоньков. Прошлась по двум ярусам и перешла к третьему, а потом...

А потом задохнулась, в глазах потемнело, грудь сжало мертвой хваткой, и я отключилась под аплодисменты зрительного зала.

И почти сразу открыла глаза снова.

– Эй, а где тоннель со светом в конце, образы ушедших до меня близких и жизнь, как на киноплёнке? – возмутилась я, увидев перед собой до противного обычный и скучный канцелярский стол со стопкой бумаг, а за ним – чинушу в сером костюме, в очках с толстенными стеклами.

– Приветствую вас в небесной канцелярии, Таисия Михайловна, – коротко улыбнулся чиновник, – все эти спецэффекты, которые вы описали, это, так скажем, для тонких натур. И для тех, кого мы м-м-м, просто хотим подтолкнуть к пересмотру приоритетов, а потом вернуть в прежнее тело.

– Меня значит, не собираетесь возвращать, – хмыкнула я. Мне было не страшно. Здоровье в последнее время не ра-

довало, да и привычная стариковская жизнь уже и на вставных зубах набилась оскомину.

– Таисия Михайловна, – вздохнул чиновник, – вы и так прожили двадцать лет сверх того, что вам отмерено. Мы просто уже не можем занимать вами место на Земле! Да и оболочка ваша непригодна к дальнейшей жизни.

– А что ж вы меня там столько держали? Я за это время инфаркт с остановкой сердца пережила, могли бы фьють, и того...

– Мы пытались вас тогда наставить на путь истинный! Но вы ничего не поняли!

– Правда? Это вы меня так наставляли? Черт.

Чиновник аж подпрыгнул при упоминании нечистого.

– А я-то думала, какие славные мультики мне под наркозом показывают. И в чем проблема-то, уважаемый...

– Петр Петрович, – подсказал мужчина, – я ваш куратор на Земле.

– Уважаемый Петр Петрович, – послушно повторила я.

– Видите ли, Таисия Михайловна, вы прожили достойную, долгую жизнь. Совершили много благих дел. После завершения карьеры младшего медицинского работника двадцать лет, уже на пенсии, отработали в регистратуре поликлиники. Где выдавали не просто талончики, но и ценные советы больным до того, как они получают врачебную помощь. Помогали выбрать нужного специалиста. И даже умудрялись спасти жизни! А как-то раз не растерялись и приняли роды в

лифте, застрявшем между этажами в больнице!

– Петр Петрович, у меня маразма нет, я все это и так помню. Давайте к сути.

– Если судить только по вашим поступкам, вы прожили безупречную жизнь, Таисия Михайловна, достойную святого.

– Но... – подсказала я, уже изнывая от скуки.

– Но вопрос в том, как именно вы совершали все эти благие дела! – Петр Петрович снял очки и неторопливо протер их идеальной замшевой тряпочкой, тоже серой.

– В нашей канцелярии сотни жалоб на ваш несносный характер, острый язык и систематические моральные унижения! Вы даже свои добрые дела творили с... так скажем, ехидством! Долгие годы я обещал начальству, что вы обратитесь, что с возрастом на вас снизойдут мудрость и сдержанность.

– Да с чего бы? – фыркнула я.

Петр Петрович пригорюнился.

– Вот даже сейчас, вспомните, какое желание вы загадали, задувая торт?

Мне стало чуточку неловко.

– Чтобы эти свечи оказались в интересных местах у тех, кто все это придумал, – призналась неохотно, – кстати, сколько я все же успела задуть?

– Восемьдесят семь, – Петр Петрович сверился со своими бумагами. Надо же, там даже такое пишут.

– Увы, в такой нравственной консистенции мы не можем вас отправить в райскую долину. Наш руководитель... он считает, что вы там устроите беспорядки и внесете элемент морального абьюза.

– И что теперь, к чертям меня отправите?

– Эммм... Таисия Михайловна, я не уполномочен раскрывать вам схему мироустройства. Но нет, туда вы тоже не подходите.

– Ни к умным, ни к красивым, – резюмировала я, – и вы меня просто развеете по космосу теперь? А я ведь ветеран труда, как никак. Заслуженный работник медицинской отрасли.

Петр Петрович надел очки.

Лицо его было по-прежнему спокойным и умиротворенным, но судя по тому, что очки сели на нос вверх ногами, заушниками вверх, мой куратор очень нервничал.

Крякнув, он тут же исправил свою ошибку.

– Пока вы были на передержке в вашем прежнем теле, нашелся подходящий вариант, – сказал он, – вас направят на дальнейшее саморазвитие в один из параллельных миров нашей же вселенной.

– И я там уже не буду собой? Не смогу навещать любимых родственников в виде призрака, гремя цепями и выписывая пальцем на запотевшем стекле ванной бранные словечки?

– Нет! – почти рывкнул куратор. – Вы замените одну достойнейшую личность. Образец добродетели и нежности.

Ту, что всю свою долгую, почти вечную жизнь помогала людям, и не только людям. И делала это с любовью, и теплотой. Она заслужила покой. И мы с большой неохотой решили ее отпустить. Дать душе Тейселен вечное наслаждение. Но заменить ее было нечем. Не родилась пока еще фея, одаренная теми же способностями. И ее место, в том же теле, займете вы! Это будет ваш урок. Отработка, если точнее.

– Фея? Вы это в фигуральном смысле? – спросила я с подозрением.

– В натуральном, – отрезал Петр Петрович, – фея Тейселен ждет, когда мы заменим ее на ... так скажем, волонтера.

– И я буду вместо нее целую вечность? – с подозрением спросила я.

– Зависит от того, как вы справитесь.

– А у нее есть какие-то... ну житейские обязательства. Муж, дети?

– Нет, фея Тейселен провела жизнь в служении окружающим и не построила семью. Но вам никто не запрещает...

– Спасибо, этого по полной накушалась! – быстро ответила я.

Петр Петрович решительно поднялся.

– Все, ваш ресурс пребывания вне тела заканчивается. Мне надо отправлять вас дальше. И если вы отказываетесь заменить Тейселен, попадете в лимб. Чрезвычайно унылое место вроде зала ожидания на железнодорожном вокзале.

– Фея так фея, – вздохнула я, вспомнив привокзальные

туалеты.

Куратор оказался близко-близко и приложил к моему лбу ладонь, которая тут же загорелась ярко-синим.

Вспышка, боль во всем теле, снова не могу дышать...

А потом я в очередной раз открыла глаза.

1.2

– Тейселен! – позвал нежный, как звон колокольчика, голосок. Прохладная ладонь очутилась на моем лбу.

Перед глазами был свет, много света. И потом из него со-
ткнулся образ милой до тошноты комнатки с обстановкой в
пастельных тонах.

Где я?

Неужто отметила юбилей, как подобает? Тряхнула стари-
ной от души, так сказать. Так, что весь порох из пороховниц
высыпался. Вместе с остатками памяти. А еще так голова гу-
дит, будто я снова с младшим внуком коктейли дегустиро-
вала. Может, так оно и было?

Проморгавшись, увидела прямо по курсу испуганную де-
вицу. Нет, это не одна из моих правнучек, и не та надоедли-
вая журналистка, хотя чем-то похожа.

– Что со мной такое? Кто вы? – спросила я и тут же за-
ткнулась, потому что голос у меня был чужой.

Молодой, приятный, идеально подходит под описание “А
как речь-то говорит, Словно реченька журчит”.

– Ах, Тейселен, вы так нас напугали! Лишились чувств
прямо за утренним уроком добродетели!

– Добро... чего? – снова поперхнулась незнакомым голо-
сом. – Я учусь добродетели?

– Вы? Ой! – девушка звонко рассмеялась, будто я отмочи-

ла дурь в стиле современных комиков, которые кривляются по “ящичку” так, что на экран плюнуть хочется, да оттирать его потом неохота.

– Вы шутите со мной, – догадалась малышка, – надо же, как остроумно! Конечно, вы преподаете и добродетель, и милосердие в вашей школе фей!

Преподаватель в школе для феечек!

Закатив глаза, заскрипела зубами, вспомнив Петра Петровича и его лекцию о хорошем поведении.

Значит, все это правда! Не приснилось после того, как я тортом объелась. Ах, да. Я его даже и не попробовала. Зато обеспечила съемочной группе репортаж куда интереснее, чем унылый юбилей божьего одуванчика.

– Вы себя хорошо чувствуете? – осторожно поинтересовалась девушка... и в голове моей щелкнуло: “Мерципен”.

– Да, Мерципен, еще как хорошо, – заявила я, догадавшись, что это включилась память тела, оставленного настоящей Тейселен.

– Мне бы хотелось посмотреть на себя в зеркало, оценить... ну, как я после обморока выгляжу.

– Да-да, конечно, – обрадовалась чему-то Мерципен.

Девчонка помогла мне подняться и подвела к шкафу который я не могла видеть с диванчика.

Взглянув в зеркало на всю дверь, я сглотнула и попросила:

– Можешь оставить меня ненадолго?

Девушка тут же убежала, довольная, что их обожаемая Тей-

селен пришла в себя.

А я буравила отражение в зеркале взглядом.

Добродетельная фея Тейселен была прекрасна.

Само совершенство, иначе не скажешь.

Нежная, словно сияющая изнутри кожа. Молодая, упругая и гладкая. Светлые мягкие волосы светятся здоровьем, огромные голубые глаза выделяются на личике с точеными благородными чертами.

На вид мне было не больше двадцати. Хотя Петр Петрович упоминал, что фея служила людям и прочим существам много лет.

Но главное, что отличало меня от людей – крылья.

Большие, полупрозрачные, почти невесомые я их не сразу заметила, пока свет из окна не преломился, пройдя сквозь тонкую пленку.

– Батюшки светы! – восхитилась я и попыталась шевельнуть своим новым приобретением.

Ух! Они меня слушаются!

Вначале я бестолково хлопала крыльями, как моль-переросток. И от этого меня мотало по полу туда-сюда. Я подсакивала, заваливалась вперед и назад, но наконец приподнялась и зависла под полом, не пытаясь что-либо контролировать, и тело, видать включило свою память. Крылья четко зафиксировались в нужном положении, а потом я подумала, что надо бы опуститься на пол, и мои новенькие, хорошенькие ступни без следов старческого артрита и вальгусной де-

формации коснулись нагретого солнцем деревянного пола.

– Хорроша! – сказала я довольно, вслушиваясь в звук своего удивительного голоса. – Только кто вас надоумил, господа присяжные заседатели, пустить женщину-локомотив, Таисию Громову, в тело нежной феюшки? Я же ведьма!

После этих слов попыталась злодейски рассмеяться, но у меня ни шиша не вышло. Смех был приятный, мелодичный и ему тут же вторили птички за окном.

– Тейселен! – в комнату ворвалась рыжеволосая молодая женщина с зеленоватыми крыльями. – Ах, дорогая, представляю, как же ты переживаешь, хоть и не рассказываешь нам о своих чувствах! Даже в обморок упала!

А это что за подружка-волнушка?

Я попыталась заглянуть внутрь своей головы и подсознание выдало: “Гринельма”.

– Тебя стучаться не учили? – я хотела это буркнуть недовольно, но вышло опять приторно-миленько. Вот холера!

– Бедняжка! – вздохнула Гринельма. – Совсем не в себе. Но я тебя понимаю. Ведь этот ужасный, жуткий Эйдан Брелентер уже вот-вот заявится!

Пошуршав в своих мыслях, я не нашла внятного отклика на имя Эйдан Брелентер. Только легкое раздражение.

– И что в нем ужасного? – попыталась выяснить ненавязчиво.

– Как же?! – Гринельма прижала руки к груди и ее зеленые крылышки затряслись. – Это чудовище получило от верхов-

ного совета одобрение на брак с тобой и теперь не отстанет!

Почему я не удивлена?

Теперь понятно, отчего добродетельная Тейселен так спешила переместиться в лучший мир.

Потому что в этом ее начинало припекать.

1.3

Эйдан Брелентер

– Генерал Брелентер! – император Антурии был смущен. А такое редко когда увидишь. Чтобы величайший правитель Империи, в которую слились три великих королевства, испытывал замешательство? Многие вообще считали такое невозможным.

Но генералу Эйдану Брелентеру повезло. Или наоборот, не посчастливилось вызвать у его величества столь сложное чувство.

– Вы герой войны с Тьмой. Кавалер трех орденов Чести и пяти медалей Храбрости. Обладатель титула герцога Девлирского. И... и при этом самый неуживчивый человек...

– Дракон, – поправил Эйдан.

– Самый неуживчивый человек и дракон империи! Я желал вас видеть губернатором всего Девлира. И это прямой путь к королевскому титулу, генерал! Вы могли бы стать первым и единственным кандидатом в преемники нынешнего короля Девилерии. И что?

– И что? – спокойно переспросил Эйдан.

– А то, что вы не вызываете доверия у ваших потенциальных подданных, дорогой мой герцог! Ваше разнузданное поведение, отвратительное обращение с женщинами. Постоянные драки с поножовщиной или того хуже, поджогами. Неде-

лю назад вы со своими дружками спалили половину деревни!

– Да, это зря, это неудачно получилось, – согласился Эй-дон, – и я этим не горжусь.

– А ваши провокации с вызовом на дуэль простых смертных!. Что вы творите, генерал?

– Ну, справедливости ради, болваны сами бросали мне вызов, – усмехнулся Эйдан.

– Потому что вы совращали их жен, генерал!

– Дамы были вовсе не прочь совратиться, ваше императорское величество, не стоит винить меня одного в том, что с удовольствием совершали двое. Или трое.

– Вы – один из высших драконов, а ведете себя как мальчишка, который не нагулялся, – сердился император, – и я отчасти понимаю причины подобного поведения. У вас горячая огненная кровь и этот бешеный характер требует выхода, чтобы вы изнутри не сгорели...

– Истинно так, мой император, – почтительно склонил голову Эйдан.

– Но сейчас надо что-то делать. Эйдан, я далеко не молод. Можно сказать, почти дряхлеющий. И мне как просто как воздух необходима поддержка сильных игроков. Я хочу занять все ключевые посты в королевствах империи своими людьми. И драконами. В вашей преданности у меня нет никаких сомнений. Но... народ вас боится, Эйдан!

– Боится, значит уважает, – прогудел дракон.

– Не без этого, – согласился император, – но нам не нужно

спокойствие, выстроенное на страхе и ненависти. Вам придется срочно исправлять свою репутацию греховодника и жестокого, карающего всех мужлана.

– На войне другим быть нельзя, – напомнил Эйдан.

– Но сейчас не война! Во многом благодаря вам, не спору. Без вашей воинственности и грубой силы не было бы нашего мира. Но хватит уже всех держать в страхе. Вы должны остепениться, генерал.

– Остепениться? – не понял Эйдан. – Это как?

– Показать вашим будущим подданным, что встали на мирный путь, повзрослели.

– И как я могу это сделать? – озадачился дракон.

– Жениться, – твердо ответил император.

– Жениться? Вот скука-то.

Генерал сразу помрачнел.

– То есть, я должен взять себе в жены девицу, которая теряет всю свою свежесть за какие-то жалкие двадцать лет? – поинтересовался он, скривившись.

– Нет, мой дорогой. Ваш брак должен стать образцовым, внушающим полное доверие. И место подле вас займет идеальная женщина, чей срок жизни ничуть не короче вашего. Бесконечно юная и прекрасная, лишенная человеческих пороков.

– Простите, император, но на кой мне в постели женщина без пороков?

– В первую очередь, это та, что будет с вами рядом на лю-

дах, Эйдан! – глаза старика-императора сердито сверкнули.
– Добродетельная, чистая, полная нежности и сострадания ко всему человечеству.

– И кто же она? – нетерпеливо спросил дракон.

– Фея.

– Но разве их можно заставить выйти замуж, император?
– недоверчиво спросил Эйдан.

– Нельзя, – согласился правитель, – но брак высшей феи одобряет верховный совет. И тогда она не может отказать. Ведь служение – ее главная миссия.

Эйдан приободрился. Решения верховного совета можно ждать годами! Так что он еще нагуляется досыта. А может, пафосные дедули-маги и откажут, рассмотрев кандидатуру жениха. У них есть право говорить “нет” даже самому императору.

– Жаль, что совет собирается раз в десятилетие, – с притворной печалью вздохнул Эйдан, – и нам придется ...

– Не придется, мой друг. Спешу обрадовать, я уже заручился согласием совета.

– Но как? – опешил дракон.

– Глава Верховных – мой двоюродный брат, если вы не знали. И он красноречиво рассказал остальным о вашей роли в нашем мироустройстве. Эти великие мужи собрали внеочередное заседание и пришли к выводу, что лишь прекрасная и добродетельная фея Тейселен способна сделать из злобного неуправляемого дракона приличного члена обще-

ства.

– Тейселен? – не веря ушам, спросил дракон. – Та самая, что выставила меня из своего волшебного леса год назад, потому что мы с парнями хотели устроить небольшой пикник после успешной битвы?

– И повалили десяток деревьев, пытаясь построить баню посреди поляны, напугали всю живность, а также склоняли к развратному поведению троих учениц школы феечек, – подтвердил император.

– Это мелочи, – гаркнул Эйдан, – тогда она унизила меня перед моими воинами, выставив, словно нашкодившего мальчишку! И я вынужден был удалиться, потому что не воюю с бабами, даже крылатыми.

– Теперь вы сможете уладить ваши разногласия, генерал, – благодушно улыбнулся довольный собой император, – мы отправили Тейселен распоряжение совета. И вы можете приступить к сватовству.

– Я могу отказаться? – мрачно спросил Эйдан.

– Нет, генерал, если хотите строить свою головокружительную карьеру и дальше. В противном случае...

Император вздохнул.

– Я не имею больше права смотреть сквозь пальцы на ваше поведение и буду вынужден переосмыслить ваше место при моем дворе.

– Слушаюсь, ваше императорское величество, – Эйдан почти не скрывал досады, но учтиво склонился перед повели-

телем.

А про себя подумал, что ванильная фея-зануда еще пожалеет о том, что помешала мужским развлечениям. Да она ему сапоги носить будет и массаж стоп делать.

1.4

С крылышками, но не бабочка. Фея, но не добрая. Кто это? Правильно, Таисия Михална на покое. Такая вот пенсия.

Хорошо, что хотя бы обрывки воспоминаний Тейселен порой всплывают.

Но этого мало.

Например, как узнать, чему я обучала этих феюшек, и почему крылья есть меньше, чем у половины из них?

Может это как погоны, заслужить надо.

Тогда они должны сниматься.

Рассудив так, я дождалась, когда останусь одна в комнате, подошла к зеркалу и попыталась заглянуть, что там на спине.

Вид у меня при этом был как у котейки, который собирается поймать собственный хвост.

Крылышки были легкие, приятные на ощупь и меняли цвет и прозрачность. Я пока не установила закономерность, отчего. Освещение вроде бы не прыгает, а мои лопасти вначале казались почти прозрачными и практически бесцветными, потом стали голубоватыми. А сейчас вроде бы даже с розоватым оттенком.

Ох, удружил, Петя Петрович. Мне теперь разбираться в градиентах крыльев, привыкать к вечно молодому телу, осваивать новый неизвестный мир, обучать чему-то непо-

нятному фей... а до кучи еще и некое чудовище собирается на мне жениться. Впрочем, с оборзевшим мужиком я разберусь, это как раз самое понятное... и возможно даже приятное.

Сколько я таких к ногтю придавливала. Буйные царьки в стационаре, или бугаи в регистратуре, недовольные, что нужный специалист принимает по графику, да еще и по очереди. Один мне орал, брызгая слюной на стойку, что талоны еще во время перестройки отменили, так что я ему должна обеспечить доступ к телу врача беспрепятственно.

Таисия Михална Громова никого не боится. А вот насчет феи Тейселен, которая крылышками бяк-бяк, пока вопрос открытый у нас. Но ничего, разберемся. Лиха беда начало.

В дверь робко постучали.

– О, чистейшая! – проблеяла в едва приметную щелочку Мерципен. – К вам прибыли визитеры. Генерал Брелентер и его официальные представители.

Я зачарованно смотрела, как на крылышках появляется оранжево-коричневая каемка.

– Сейчас, доковыляю! – отозвалась я привычно. Но услышав звук своего голоса, спохватилась.

Какая легкость в ногах!

О, боги, как оказывается приятно просто идти, находясь в здоровом теле.

Давно забытые ощущения.

– Вы не переоделись! – всплеснула руками Мерципен.

– Фея Тейлесе... Тейселен всегда в состоянии полной готовности, – сказала я строго, – мне не требуются дополнительные ухищрения, чтобы встретить кучку мужчин. Даже генералов.

У бедняжки Мерципен отпала челюсть.

А мне пришлось терпеливо ждать, когда она ее установит на место, потому что ноги меня не понесли сами туда, куда нужно, и я боялась заблудиться.

– Веди к гостям! – величественно сказала я. – Так по этикету положено.

– Да? – засомневалась девчушка. – Вообще-то я не того ранга...

– Считай, тебя повысили, – хихикнула я.

Мерципен вывела меня на улицу и я смогла увидеть наконец свой домик. Кругленький, хорошенький, будто пряничный. С розовым фасадом!

Мы с бескрылой недофеей стояли на полянке с подстриженной по линейке разноцветной травкой и расположенными явно в виде узора клумбами. Но какой этот узор, можно определить только взлетев над поляной. Наверняка я это могу.

Все так миленько, чистенько. Это у меня на даче даже вазильки временами дохли. Не до них было. А тут чувствуется рука опытного садовника.

А еще вокруг были такие же домики, как и тот, из которого мы вышли. Все одноэтажные, но одни больше, другие

меньше. И разноцветные.

– Нам в присутственный флигель, – мягко сказала Мерципен, махнув ручкой вправо.

Проследив за ее жестом, я увидела край, пожалуй, самого большого из домиков, на крыше у него было даже что-то вроде мансарды.

– Гости в парадном зале.

Мы плавно передвигались по мягкой, шелковистой траве, и я слышала едва различимый, но явный звук от цветков-колокольчиков.

Но тут же мелодичное позвякивание заглушило конское ржание.

– Господа оставили своих рысаков у ворот, – сообщила Мерципен.

Угу, значит в этом мире передвигаются верхом.

Я поставила ножку в блестящей туфельке на нижнюю ступеньку ярко-красного крылечка, и тут же дверь сама собой передо мной открылась.

– И где же наша добродетельная Тейселен? – слышался сочный мужской голос из помещения. – Разве прилично столько заставлять ждать генерала?

1.5

В кругленькой, тошнотворно миленькой, как зефирка в сахарной посыпке, гостиной, феечку Тейселен ожидало трое молодцев. Явно недобрых.

Генерала видно было сразу – выше остальных на голову (и наверняка больной на нее же), вызывающе красивый мужик в ярком мундире и эполетах.

Он развалился в изящном кресле... нет, креслице, ибо тут все уменьшительно-ласкательное, уложив ногу на ногу и покачивая острым носком идеально вычищенного сапога.

Возможно, он там рассматривал свое отражение, потому как с подобной внешностью это должно быть основное занятие.

На вид генералу можно было дать лет тридцать, а вот взять с такого вряд ли что можно. Очень уж себе на уме, это и без диоптрий видно.

Двое его спутников притулились стоя, по правую и левую руку от начальника или даже господина.

– Это что за нетерпеливый пирожочек в мою корзинку прискакал? – спросила я, решив не церемониться с чудом-юдом, которое так искренне боялась моя зеленая подруга.

Только не учла, что у меня теперь не божественный инструмент ехидства Таисии Михалны, надтреснутый голос,

несущий копьё сарказма. В голосовой аппарат Тейселен встроено фарфоровый колокольчик, обмазанный елеем. Поэтому моя фраза получилась нежной и почти игривой, будто я уже с порога готова обмахивать генерала веером невестомых крылышек.

— А вот и наша леди Благопристойность! — генерал развернулся ко мне вместе с креслом, хотя там колесиков не было.

— Что ж, давайте обстригаем наше дельце, раз уж вам выпала такая честь.

— Честь? — уточнила я. — Вы о чем, любезный? И что собираетесь со мной стряпать? Я, знаете ли, давно в руки не брала скалку. Да и не факт, что воспользуюсь ей для готовки.

Слова журчали сладким ручейком и собирались патокой на ушах генерала Брелентера. Тоже, разумеется, красивых.

Кошечки-рожечки, я что, запала на смазливую юнца? Вот что значит, молодая кровь бурлит. Сколько бы ни было лет фее Тейселен, тело-то юное, то бишь и гормон играет.

Может она так быстро к праотцам и засобиралась, чтоб искушению не поддаться.

Хотя... вряд ли.

Чем больше я смотрела на справную и лепую генерала, тем сильнее в груди росло возмущение и где-то даже отвращение.

Моя предшественница в этом теле Эйды Брелентера, судя по всему, на дух не переносила. Хотя дух у него ничего так.

Генерал поднялся, приближаясь ко мне, и я почувствовала аромат хвои и сандала. Роскошный парфюм и генералу идет.

– А вы изменились за тот год, что мы не виделись.

Темно-зеленые глаза уставились на меня с интересом.

Генерал был выше примерно на две головы и обзор у него был неплохой, как и декольте на легкомысленном фейском платье.

– Мы, феи, всю жизнь занимаемся саморазвитием, – вместо того, чтобы поддержнуть лиф выше, что, возможно, сделала бы настоящая Тейселен, я только гордо расправила плечи.

Если уж выдалась возможность походить с красивой грудью, надо ей пользоваться.

Кадык генерала дернулся, заходил, как лифт.

– Признаться, в нашу прошлую встречу я вас недостаточно разглядел, Тейселен.

– О, это не страшно, – беззаботно махнула рукой, – я вас вообще на лицо не запомнила. Сейчас будто впервые вижу.

Парни, сопровождающие генерала, недоуменно переглянулись, а Мерципен, все еще стоявшая позади, испуганно ахнула.

Я помнила, что репутация у генерала не особенно радужная, поэтому решила с ним не церемониться.

– Валяйте, ваше благородие! – обойдя генерала, я подошла к столику, который выглядел так, словно соткан из кружев, хлопнула ладошкой по нежной паутинке. – Говорите, с

чем пожаловали!

ГЛАВА 2

Эйдан Брелентер

Генерал специального драконьего подразделения, герой войны с Тьмой, отважный и преданный короне Эйдан Брелентер, хоть и стремился выглядеть простым воякой, чтобы избежать излишних сложностей в этой жизни, был далеко не дураком.

Прежде, чем сделать головокружительную карьеру военного, Эйдан закончил университет Высших Драконов, где был звездой факультета, капитаном гоночной команды и одним из самых способных адептов. Правда, способности Эйд в основном использовал не для учебы. Он их активизировал перед сдачей экзаменов, а весь учебный год занимался более интересными делами. Но книги в течение семестра все же почитывал, потому что ему это казалось забавным и интересным.

Он знал пять языков. Тримя владел в совершенстве, на двух мог сносно изъясняться. По мнению Эйдана, это делало его как бойца еще более неуязвимым, поскольку с возможным врагом надо говорить на одном языке.

Эйд Брелентер для дракона считался молодым, но жизнеописание его уже было весьма впечатляющим.

Сын маркиза Брелентера и дочери виконта Хилтесерра получил титул герцога от правителя, за особые заслуги перед

империей Антурия. Участвовал в трех войнах с Тьмой. И это не Антурия такая неуживчивая, а силы Тьмы никак не хотели успокаиваться, желая завладеть процветающей империей или хотя бы одним из трех ее великих королевств.

Наконец, полгода назад Антурия нанесла врагу просто сокрушительную победу. Таковую, что темные скинули своего короля и запросили перемирия, да еще и обязались возместить материальный ущерб триумфаторам.

А перелом к победе произошел, благодаря блестящей операции, которую возглавил лучший из военных стратегов, боевой дракон Эйдан Брелентер.

Император собирался пожаловать выдающемуся бойцу звание маршала, но Брелентер отказался, заявив:

– На “генерала” лучше клюют дамочки. При слове “маршал” они представляют дряхлого дедка с подагрой.

Его величество завел глаза к небесам, в очередной раз тщетно умоляя высшие силы образумить горячего и бесшабашного вояку. Но звание оставил нетронутым. Но герцогский титул пожаловал, против этого Брелентер не возражал.

Генерал драконов состоял из одних парадоксов.

Образованный, знающий толк в военной стратегии и тактике, но при этом начисто лишенный стремления к дипломатии.

Любимец женщин, который выказывает к ним пренебрежение, разбивает сердца направо-налево, оставаясь все таким же популярным.

Потомок двух знатных семей с повадками брутального прапорщика.

Верный короне подданный с характером бунтаря.

Женитьбу на скучной до кишечных колик добродетельной фее Тейселен Эйдан воспринимал как очередное задание.

Император сказал взять ее замуж, значит будет сделано.

Заодно отыграется на безропотной феечке за прошлогодний казус.

Нет, добродетельная Тейселен не грубила и не кричала, когда лесные жители позвали ее на помощь, чтобы выдворить шумных вояк.

Она влетела на полянку, где был разбит шатер, мерцающая легкими крылышками. Нежные губки поджаты, бровки нахмурены.

– Господа, я вынуждена просить вас соблюдать в моем лесу режим тишины! – сказала фея строго. – Эта территория имеет статус главного заповедника Девилерии! И будьте добры отпустить послушниц моей школы!

Генерал был настроен на приятный отдых, у него на коленках уже устроилась симпапулечка с едва пробившимися розовыми крылышками. Но при виде наставницы она вскрикнула и попыталась упорхнуть.

– Сидеть! – рявкнул генерал, хватая прелестницу за талию.

– Это возмутительно! – воскликнула тогда Тейселен. Такое обращение с воспитанницей поколебало ее обычное спо-

койствие. Крылья феи по середине окрасились алым.

Вытянув тонкие, почти прозрачные руки, она прикрыла глаза. Из пальцев ее брызнуло волшебной пылью. Светящаяся магическая субстанция обволокла поляну, оседая на лицах ребят Эйдана.

Суровые драконы принялись чихать. А потом разом почувствовали смущение.

– Простите великодушно, добродетельная, – слышалось со всех сторон бормотание.

И даже сам генерал ощутил беспокойство от своего нахождения в неполюженном месте.

Но его пронять было почти невозможно.

– Стерва! – гаркнул генерал, обращаясь к прекрасной фее.
– На героях нельзя использовать магию!

– Может вы где-то и герой! – в нежном голоске звенел колокольчик гнева. – Но на моей поляне – обычный хам и буян! Извольте удалиться и увести своих крикунов! Иначе я буду вынуждена подать прошение королю Девилерии, а он уведомит императора!

Воевать с феей смысла не имело, да и было откровенно опасно. На свою репутацию Эйду было наплевать, но тень могла упасть на самого императора.

А тут еще и парни его, чихая и кашляя, наперебой принялись извиняться перед феей.

– За тобой должок, добродетельная! – мрачно пообещал Эйдан Брелентер, впрочем, не собираясь предъявлять ника-

ких счетов занудной крылатой бабе. Чего с ней возиться?

Но коли она сама в руки идет, грех не использовать такую возможность.

2.2

– Ну так что, служивый? – я сложила эфемерные руки на груди и с вызовом глянула на бугая. – Очередь не задерживаем, говорите, с чем пожаловали!

– У вас тут еще и очередь? – взревел генерал.

– А то! – и с прищуром выдала коронное. – Вас много, а я одна! И всем только спросить. Вам вот тоже, наверное?

– Мне не спросить, а донести до вашего сведения, фея Тейселен! – Брелентер грозно насупился. – Верховный совет империи дал разрешение на заключение брака между нами.

– Надо же! А меня они спросили?

Кинув взгляд на Мерципен, я увидела, что девчушка, кажется, в комичном состоянии. То есть, вот-вот в нервную кому упадет без предупреждения. Но я останавливаться не собиралась. Вот так, за здорово живешь, только-только обретя молодое тело, пусть и с крылышками, попасть в какой-то замуж?

– Фея вашего ранга находится на служении обществу, Тейселен, – голос генерала звучал уже не так грубо как в начале, он терпеливо, как малолетней, объяснял мне правила игры.

– Мне и самому не особо хочется прощаться с холостой жизнью. Но если не я, то кто же скрасит ваше одиночество? Тут он усмехнулся, зеленые глаза сверкнули озорством.

– Ах так, это, получается, мне вас в виде премии выписали, за выслугу лет? – восхитилась я.

– Можно и так сказать, – генерал подбоченился.

– Хм. А написать заявление, чтобы пересчитали в местной валюте, можно? – с надеждой спросила я.

Один из сопровождающих Брелентера хихикнул, и начальник яростно на него посмотрел.

– Знаете, Тейселен, – угрожающе начал генерал, – вы ведете себя странно для феи. Насколько я слышан, вы – особа высоких добродетелей и уважаете Верховный совет.

– Это до тех пор, пока меня не начали выдавать замуж, не поинтересовавшись моим мнением.

Я элегантно, как мне думалось, присела на краешек стола, чудом не придавив пятой точкой нижнее правое крыло.

– И как это вы собираетесь обстригать, генерал? – насмешливо поинтересовалась у зеленоглазого. – У вас какая-то бумага имеется?

– Разумеется, – кивнул с видимым облегчением Брелентер, – Фрэнк, озвучь!

– Так точно, господин генерал! – прищелкнул каблуками один из парнишек. И тут же достал из элегантной кожаной сумки, висевшей на боку, длинный, аккуратный свиток с золотистой печатью.

Развернул его бережно и даже, как мне показалось, с любовью, умильно глядя на завитушки, которыми была усыпана бумага.

– Настоящим постановлением, – звучным, приятным баритоном произнес Фрэнк, – Верховный совет Антурии благословляет заключение брака между генералом драконов, герцогом Девлирским, Эйданом Брелентером и высшей феей Девилерии, Тейселен Амилейни. Брачный обряд должен быть заключен не позднее, чем в праздник Встречи Лета. Копия распоряжения отправлена фее Тейселен для ознакомления и подписания.

– Не помню никакой копии, – решительно отмахнулась я. Конечно, чуточку лукавила при этом. Гринельма же мне ясно сказала, что чудище Брелентер получило разрешение от совета. Но... чисто технически, я с ним не ознакомлена.

– Я ничего не подписывала!

– Но как же, Тейселен!

Из неприметной комнатухи вроде подсобки выплыла все та же Гринельма, и в ее рученьках был не такой богатый свиток, как у генерала, но вполне приличный лист вощенной бумаги с печатью. Навроде дипломов за школьные или спортивные успехи.

– Ты, наверное, забыла за своими неустанными заботами о благе Школы, о том, что поставила свою подпись.

Зеленая продемонстрировала присутствующим росчерк пера внизу грамоты.

Летающий, воздушный почерк. Такой и должен быть у фе-ечки.

– Неужели свадьба с благородным драконом для вас на-

столько нежеланна, что вы о ней просто забыли? – удивленно спросил Брелентер. – Или это возрастное и у вас начинаются ухудшения памяти.

Я даже не знала, на что отреагировать сначала. На его нелепый наезд по поводу памяти или... да хрен с ним, с наездом.

– Дракон? – я безотчетно затрепетала крыльями и они тут же подняли меня над столом.

– Что значит – дракон? Это такой ящер с хвостом, который летает и пускает огонь?

Теперь уже переглянулись все, кто были в комнате.

– Кажется, наша феюшка не дружит с головушкой, – прогудел Эйдан Брелентер, – отличную невесту мне решили сбывать члены совета! Тем лучше, дорогая. Опекунство в нашей ситуации не самый плохой вариант.

2.3

Вот ничего себе. Еще и часу феей не побыла, а уже грозятся мне деменцию припаять.

Но... Таисия Михална недаром девяносто годков на Земле прожила. Думаешь, драконище, меня не пытались безумной признать? Хотя бы на словах, а не по документам.

Так что боевую фею с топором простым словом не перешибешь.

Я осторожненько пошевелила крылышками и ощутила внутренний восторг, когда они меня плавно пронесли до кресла. Собиралась изящно в него опуститься, но тут грация уступила неопытности, и я рухнула, задрав ноги на стол, отчего подол платья слишком оголил мои прекрасные ровные ножки без варикоза.

А ничего, выглядело даже более впечатляюще.

– Критику мы, значит, не любим, – пропела я, уже начиная раздражаться от своего сладенького мелодичного голоса, – а на контроле помешаны. Ну-ну, представьте, господин дракон, как будете доказывать моим покровителям, что заслуженная фея ммм....Девилерии, директор школы феечек – выжившая из ума старая швабра.

Мерципен нерешительно хихикнула, а Гринельма на нее шикнула. Какие они тут все зажатые. Наверное, Тейселен их гоняла нещадно своими добродетельными правилами.

– Это ж они должны признать, что сами доверили воспитание фей, волшебниц и прочих лепреконов асоциальному элементу с множественными патологиями!

– Она иностранка что ли? – шепотом поинтересовался чтец Фрэнк у своего товарища, тот пожал плечами. – Половину слов не понимаю.

А на прекрасных устах Эйдана Брелентера заиграла улыбка.

– Вы куда интереснее, чем показались мне до этого... но я, кажется повторяюсь, – сказал он.

– Да уж, особой оригинальностью вы не отличаетесь, Эйдан, – кивнула я почти благосклонно, – штамп на штампе.

– Не знаю, что вы задумали, Тейселен, – генерал драконов подошел к столу, оперся на него ладонями и склонился надо мной. Взгляд зеленых глаз вдумчиво огладил мои бесподобные коленки, – но если через две недели не явитесь вместе со мной ко двору императора, чтобы засвидетельствовать нашу помолвку, я притащу вас силком, а потом потребую признать безумной. Поверьте, у меня достаточно влияния.

– Первый раз вижу мужика, который с женщиной мерится... влиянием, – я сняла ноги со стола, только потому что спина затекла и, кажется правое крыло. Они, кстати, еще и чешутся.

Скулы дракона порозовели. Интересно, он умеет носом огонь выдувать? Кажется, сейчас у него дым повалит.

– Эйдан Брелентер, вы, как мне кажется, совершенно не

умеете обращаться с дамами. Разве так принято звать женщину замуж? Где букеты, свидания, красивые ухаживания? Я требую конфетно-букетный период!

Признаться, меня, конечно, несло. Судя по расширенным от ужаса зрачкам моих подопечных, я себе как минимум пару смертных приговоров сейчас подписала.

Невежливо, с одной стороны, в чужой монастырь со своим топором вваливаться. Но лучшая защита – это нападение.

И я постараюсь, чтобы генерал понял, насколько ему не нужен брак со мной, искал себе другую невестушку, более сговорчивую. Вряд ли такому завидному кавалеру действительно нужна жена-ментальный инвалид. Или просто признанная им женщина. Так что, буду капризной феей-блондинкой.

Отвяжусь от наглого дракона, а потом уж займусь исправительными работами, как Петр Петрович завещал.

– Я не ослышался? – в зеленых глазах мелькнул интерес, а рельефная нижняя челюсть озадаченно шевельнулась. – Вы хотите, чтобы я за вами ухаживал, и после свидания готовы заключить помолвку добровольно?

– Не просто свидания, генерал Брелентер, – проклятье, я не могла произнести это, да и что угодно, холодно и язвительно. Надеюсь, в моем щебетании все равно прослеживается основная идея.

– Будьте добры ухаживать за мной, как за своей будущей женой. И вызвать мою благосклонность!

– А не слишком ли вы зарвались, феечка? – рыкнул зеленоглазый.

– Что такое? Грозный боевой генерал боится принять вызов? – мелодично хихикнула я.

Молодцы-сопровождающие снова переглянулись и что-то проворчали.

Мы сейчас его все на слабо возьмем. На мужиков слово “вызов” действует как укол слабительного: тут же тянет бежать и действовать, не раздумывая.

– Генерал Эйдан Брелентер не боится вызовов! – с достоинством выпрямился красавец и сложил на монументальной груди мускулистые руки.

– Я не прощаюсь надолго, фея Тейселен, – сказал он, – скоро свидимся. Это будут две незабываемых недели в вашей однообразной добродетельной жизни.

2.4

– Тейселен! – Гринельма бросилась ко мне, как только brave молодцы утопали прочь. Мерципен отправилась их проводить до коней и убедиться, что драконы удалились из леса.

– Что с тобой произошло, дорогая? Ты никогда не была такой!

– Новые проблемы требуют новых решений! – я легко вскочила на ноги, продолжая наслаждаться каждым своим движением.

Хоп, хей, лалалей, как я умею-то теперь!

Так, надо сосредоточиться на быстрой работе мозгов, а не конечностей. Хотя у меня их теперь и на две больше образовалось.

– Но все равно, – с сомнением прошептала зеленая фея, – в тебе что-то изменилось.

У меня было два варианта: переубедить ее, запугав для надежности или согласиться, что баба Тейселен уже не та, что прежде. Мне ведь надо тут все узнавать, а без помощницы не обойтись.

– Что ж, Гринельма, от тебя ничего не скроешь, – улыбнулась я, уверенная, что вышло ласково, – очень ты у меня проникательная девочка. Только поклянись, что никому не проболтаешься.

– Клянусь! – выдохнула Гриня, глядя на меня круглыми честными и очень любопытными глазами.

– Когда я упала в обморок от переутомления, потому что у меня мозг чуть не расплавился от моей добродетельности, – начала я многозначительно, додумывая на ходу детали, – у меня было что-то вроде клинической смерти.

– Что это такое? – не поняла, но на всякий случай ужаснулась Гринельма.

– Это как бы остановка в пути, – пояснила я, надеясь, что ей понятно, – сердечко сбойнуло, а потом снова завелось, потому что я ведь сильное магическое существо. Только очень задолбанное. То есть, уставшее.

Гринельма с пониманием кивнула:

– Да, ты ведь почти не спала в последнее время, дописывала этот свой альманах. Жизнеописание прошлого и план на будущее для школы. Хотя я тебе и говорила, что успеется и без таких жертв.

Вот значит как! Добрейшая предшественница оставила для меня подсказки! Этот альманах мне придется изучить в деталях.

– Так вот, Гриня, – продолжила я, – пока я была в забытьи, со мной встретились высшие покровители. Те, что духи. Они сказали, что я еще нужна своей школе и должна продолжить путь. После этого я и очнулась. Но... пока была в отключке, мой организм находился в шоке.

Гринельма кивнула вновь, глядя на меня с опаской.

– И у меня временами такое чувство, что я половину важных вещей позабыла. Как, например, этот грешный документ, который, оказывается, и подписать успела. В целом все в своей жизни помню, а в деталях куча всего повылетало. Так что мой альманах мне самой пригодится, вдруг я и планы, которые сама для школы разработала, позабыла.

– Бедняжка! – Гринельма нежно взяла мою руку.

– Тебе нужно восстанавливаться, а тут этот дракон со своей женитьбой!

– Никому не говори, что мне нужно в себя приходить, – предупредила я, – но твоя помощь мне понадобится как никогда.

– Конечно, Тейселен, ты можешь на меня рассчитывать! – горячо воскликнула зеленая.

А мне подумалось, что есть в этой особе что-то неискреннее. Я подвох за версту чую. Как-никак, два раза замуж сходила, у меня нюх на хитропопость!

Но увы, кроме Грини вариантов на должность помощницы пока нет, поскольку я видела только ее и Мерципен. А та совсем еще деточка.

Мне же надо осваиваться в школе и волшебном лесу, узнать как можно больше об этом мире и научиться управлять своими божественными крылышками.

ГЛАВА 3

Сославшись на физическое недомогание и потрясение, вызванное визитом наглого дракона, я вернулась в свою светелку.

Прежде всего меня, конечно, интересовал альманах Тейселен.

Как оказалось, доступ к нему был только у самой феи. И только она знала, где находится столь ценный труд.

И как мне его теперь искать, спрашивается?

Одна надежда на то, что предшественница оставила для меня подсказки. Или память тела включится и поможет найти такой нужный мне фолиант.

В моем сознании, пусть изрядно перемешанном и взболтанном, сложилась уже картинка понимания стратегии феи Тейселен.

Волшебница, которую тут все называли не иначе как добродетельная, узнала, что ей грозит замужество с хамоватым бруталом. Отказать она ему не могла, поскольку чтит правила и служит всему человечеству. Партия, то есть Верховный совет сказал: “Надо”, Тейселен ответила: “Есть”.

А сама принялась искать обходные пути и тормозить своих высших покровителей, которые, судя по всему, обещали ей райское облачко, но не сейчас, а позже.

Уж не знаю, какие она привела причины ее отпустить

именно сейчас, но наверняка очень веские. Потому что теперь ее крылышками рулю я, пенсионерка с Земли.

Чтобы облегчить вхождение в дела своей преемнице, фея оставила подробное руководство.

Только никто не знает, где.

Надеюсь, добродетельная сейчас икает и подпрыгивает на своем седьмом небе.

Такой подставы я от нее не ожидала!

Начинать вторую молодость с замужества?

Замуж я в своей жизни ходила дважды, уже говорила. И оба раза мне там не сильно понравилось.

От первого брака у меня дочь, от второго – сын и дочка. В первый раз выскочила сразу после медицинского училища, за симпатичного врача общей практики. Мы прожили с ним пять лет, прежде чем я узнала, что Федор Силантьевич на своем столе раскладывает не только документы, но и медсестер.

Терпеть я такое безобразие не стала, забрала трехлетнюю дочуру и утопала с ней из нашей малосемейки к родителям. А они меня не приняли. Мать сказала, что все мужики гуляют, следующий будет такой же, так что нечего семью рушить, надо быть мудрой женщиной. Отец супругу поддержал и велел идти мириться.

Во время этой нашей семейной сцены случился парадокс, поскольку мама моя отцовской солидарности возмутилась, сложив два и два. Мол, если ты мне поддакиваешь в том, что

все мужики гуляют, значит... значит что?

И от родителей я уходила уже под зарево их скандала. Они, кстати, остались вместе.

А я к мужу не вернулась. Перетопталась у подруги в общежитие, пока не выбила себе комнатку там же.

Тяжело было, но справилась. Родители, когда поняли, что я не передумаю, иногда помогали, брали внучку к себе, чтоб мне на больничном с ее соплями не сидеть.

Во второй раз я решилась связать себя брачными узами спустя пять лет. Не то чтобы сильно рвалась заполучить штаны в доме. Но Аристарх очень уж настаивал. Мужик он был простой, водитель погрузчика. Без таких изысков и заскоков, как мой первый. Зато очень уж видный и справный.

Когда меня замуж звал, соловьем заливался. А стоило с ним расписаться, оказалось, что Аристарх Евгенийч не так уж и прост. Так и норовил в домашние тираны записаться. Но я это расчухала уже на восьмом месяце беременности, когда он мне запретил с подружками встречаться.

И куда с пузом да малолетней дочерью побежишь?

У меня в те времена были целые битвы на домашнем полигоне. Но мозгов они мне не прибавили. Иначе, как бы второй ребенок в этом браке родился, будь у меня голова хорошо работающая? Но недаром говорят: если бы молодость знала, если бы старость могла.

Да кстати сказать, после рождения сына муж вроде как поспокойнее стал.

Но стоило мне забеременеть младшей, как все нутро благоверного вновь всколыхнулось и выплеснулось.

Наполнена душа у муженька была вовсе не фиалками, а куда более дурно пахнувшей субстанцией.

От Аристарха я ушла со всем своим выводком, когда младшей дочке было полгода. Последней каплей стало, что он на мою старшую руку поднял. До этого не позволял себе такого, а тут все: “Куда ты с тремя детьми от меня денешься, я тут хозяин и человек, а ты баба. А вас баб учить надо, и чем раньше, тем лучше”.

Вот и занялся обучением падчерицы.

Правда, тут же закончил, с переломом двух пальцев и лучезапястного сустава. Долго потом баранку крутить не мог.

И нет, в милицию он на меня за это не заявил. Потому что как такой племенной самец решится заявить, что его баба покалечила?

После развода и раздела имущества я поклялась, что в никакой замуж не пойду больше.

Даже когда детки выросли и на ноги встали, а я еще была женщина молодая и бодрая, давала мужикам от ворот поворот. Хотя желающие у этих ворот появлялись периодически.

И что мне сейчас предлагает жизнь?

Нового самодура для коллекции неудачных браков?

А вот дулю ему в нос.

Таисия Михална Громова дракону не сдастся!

3.2

Эйдан Брелентер

– Император сказал, Тейселен – образец кротости и милосердия, – недовольно пробурчал генерал, отпив из глиняной кружки с такими толстыми стенками, что она больше напоминала бочонок.

Герой войны с Тьмой и кавалер всевозможных орденов, коллекционер медалей и титулов и так далее сидел в дорогом трактире вместе со своими закадычными друзьями.

Компанию ему составляли молодой граф Демиан Берон и единственный сын маркиза Тревона, Рудольф. Демиан принадлежал к гордой драконьей расе, а Рудольф уродился обычным человеком, отчего чувствовал себя в компании друзей слегка уязвленным. И поэтому постоянно хвалился своими успехами. Любыми, даже самыми незначительными.

Послушать Рудольфа – так все в этом мире происходило с его одобрения и благодаря его усилиям. Даже Солнце вряд ли бы само по себе поднялось или село, без воли на то Рудольфа Тревонского.

Что касается Демиана – он выбрал карьеру дипломата, чтобы совершать поездки в различные страны, но при этом не размахивать оружием и не ночевать в чистом поле в военном лагере, как его друг Эйдан.

Все трое обучались в академии одновременно, только на

разных факультетах. Но ухитрились там познакомиться.

Рудольф, как следует из вышесказанного, был ровесником молодых драконов, но при этом выглядел старше, просто потому, что ящеры живут гораздо дольше, сохраняя свежий вид. Ко всему прочему, Рудольф уже десять лет как был женат, в то время как его друзья-драконы все еще лениво перебирали невест.

– Кажется, ты рассказывал об этой фее в прошлом году, – заметил Демиан, с удовольствием разрывая зубами отлично прожаренную свиную рульку.

– Жалко нас не позвали на ту вечеринку, – добавил Рудольф.

– Издеваешься? – хмыкнул Эйдан.

– Отнюдь! – горячо запротестовал Рудольф. – Мы бы тогда имели шанс увидеть историческую встречу будущих влюбленных.

Эйдан поперхнулся элем и закашлялся.

Демиан хлопнул друга по спине, дабы помочь ему справиться с напастью, но от этого из горла Эйдана вырвался небольшой огненный шар, тут же подпаливший и без того качественно приготовленное жаркое.

– Вот напасть! – выругался Рудольф, спешно хватая стакан Демиана и выплескивая его содержимое на весело занявшийся огонек.

Но от этого пламя только шибче разгорелось, взметнувшись ввысь веселым костром.

– Что за пойло у тебя, Дем? – завопил Рудольф, пытаясь загасить горящего поросенка новой шляпой Эйдана, попавшейся ему под руку.

– Драконы пьют жидкий огонь! – гордо сообщил Демиан и тут же вдохнул огонь, спасая стол друзей от возможного пожара, а трактир от убытков.

– Все в порядке, господа? – к ним тут же подлетел подавальщик, чьи глаза блестели от предвкушения возможного возмещения ущерба.

– Более чем, – кивнул Эйдан, – мы решили разогреть мясо. На боках этой хрюшки жирок застывал, когда вы ее подали.

И это, кстати, было правдой.

– Просим нас извинить, генерал Брелентер, – залебезил подавальщик, зорко оглядывая стол и к своему огромному сожалению не примечая никаких подпалин или иных разрушений, – в знак извинения за доставленные неудобства сейчас подам вам еще кувшин эля, от заведения.

Когда разочарованный служащий трактира удалился, Эйдан хлопнул ладонью по столу и сказал:

– Про влюбленных ты, Руди, погорячился. Я скорее признаюсь в любви твоей прабабке Гретсель, чем этой крылатой стерве.

– Стерве? Точно ли ты говоришь о фее Тейселен Амилейни?

Лицо Демиана вытянулось от изумления.

– Я сам как-то видел ее, на одном из балов при дворце короля Девилерии, – сказал он, – особа очень приятная и привлекательная внешне. Хотя в общении показалась мне скучноватой. Говорила лишь о своей школе и о том, как прекрасен заповедный лес, за который она несет ответственность.

– Из-за этого заповедника мы с ней тогда и поругались, – хмуро кивнул Эйдан, – но поверь, друг, сейчас бы она тебе вряд ли показалась скучной. Эта добродетельная игла в заднице насмехалась надо мной во время сватовства! А под конец не представляете, что от меня потребовала.

Оба друга превратились в слух.

– Заявила, что дескать, я должен за ней ухаживать как за будущей женой, если хочу, чтобы она явилась со мной на помолвку по своей воле!

– Ухаживать? – захохотал Демиан. – А ты такое умеешь? Обычно девицы за тобой сами ходят табуном и прыгают в койку.

– В том и дело, – с легкой гордостью подтвердил генерал, – когда мне ухаживать? Между военными походами?

– Но империя, кажется, надолго намерена завязать с походами, – заметил Рудольф, – в том числе, благодаря твоим бессмертным подвигам, в Антурии наступили мирные дни и годы.

– Так что, Эйд, придется осваивать премудрости светской жизни и спокойного бытия, – хихикнул Демиан, – а завоевать сердце гордой феи тебя научит наш женатик Рудольф.

– У него жена человечка, как и он сам, – с сомнением произнес Эйдан, – будут ли его советы полезны применительно к фее?

– Женщины – всегда женщины! – надулся от важности Рудольф. – С крыльями они или без. Будь уверен, дядя Руди соберет тебя на свидание, как надо!

3.3

Сердце бухало так, что я бы могла пропустить пушечный выстрел. Так в ушах отдавалась моя тахикардия.

До меня только-только стал доходить смысл всего происходящего.

И я, хоть бабушка не робкого десятка, распереживалась.

Какое счастье, что мое новое сердечко не знало инфаркта в анамнезе. Не то я бы сейчас снова отправилась к Петру Петровичу.

Я вспомнила, как начался нынешний странный день. С моего ворчания. Не хотелось поднимать свои старые кости, надевать платье, бывшее модным в прошлом веке и тащиться в ресторан, чтобы пялиться в камеры, улыбаться, показывая искусственные съемные зубы и думать о том, как бы они не улетели, когда я начну задувать этот глупый торт.

И еще на ужин не позвали, а я уже в другом мире после полной пересадки тела.

В моей жизни было множество испытаний. Два неудачных брака. Необходимость во всем себе отказывать, чтобы вытянуть троих несмышленных детей.

Я знала что такое предательство, боль и несправедливость.

И еще помнила свое собственное полуголодное военное и послевоенное детство.

Томительные попытки заснуть, обманув пустой, бурчащий от голода живот. Слезы бессилия при мысли о корочке хлеба с солью, которая казалась самым прекрасным блюдом на свете...

Нет, я сейчас это вспоминаю не чтобы саму себя разжалобить. Это как бы маркер, показывающий, насколько я разбираюсь в сортах житейского дерьма.

Так вот, нынешнее испытание по эмоциональному накалу для меня ничуть не проще, чем голод или безумный муж, выкатывающий в гневе бельмы свои, самогонкой залитые.

Пусть у меня тут крылышки и дракон с красивыми зелеными очами, но черепушке и сердечку принять факт смены мира ох, как непросто!

Но надо унять тахикардию, а то не ровен час, усядусь напротив зеркала и рыдать начну, как плакальщица на деревенских похоронах.

– Где этот несчастный альманах? – произнесла я вслух, возвращая себя к насущным задачам.

Закрыла глаза, вдохнула глубоко и прислушалась к себе. Вдруг да тело подскажет?

А в голове гоняла мысль: “Тейселен, сестренка, покажи, куда спрятала свои мемуары!”

В какой-то момент я поняла, что в теле появилась необычайная легкость, но при этом лопатки наоборот, напряглись.

Я недоумевала, что происходит, пока чем-то больно не прилетело по макушке. Да так, что челюсти лязгнули, ощу-

тимо прикусив язык.

От боли вскрикнула и открыла глаза. Конечно же, я взлетела и стукнулась о потолок. К новым конечностям еще привыкать и привыкать. Кстати, надо бы разобраться в тонкостях анатомии. Снимаются ли мои крылья? А если нет, как с ними спать, принимать ванну, выбирать платья?

Но сперва тебе, Тейселен Михайловна, надо бы понять, с чего ты сейчас вознеслась. Просто по глупости, или все же предшественница так намекает, где искать припрятанный подарочек?

Меня мотнуло и я снова ударилась макушкой.

– Вот же пакость! – выругалась, ощупывая голову и явно ощущая на ней шишку.

Но тут же забыла о своих телесных горестях, услышав скрип над левым ухом. Проследив взглядом, заметила, что тонкая реечка, одна из многих, составляющих затейливый узор потолка, отошла.

От радостного открытия я подпрыгнула, снова долбанувшись черепушкой и ядрено выматерилась. Хорошо, никто не слышал.

Пальцы мои точными, уверенными движениями перебирали реечки, пока от потолка не отделился целый квадрат. Потайной люк!

Сунув руку в открывшееся пространство по локоть, я нащупала полку. А на ней – толстую книжищу.

Альманах Тейселен найден, аллилуйя!

3.4

Удивительно, на внушительного размера фолианте не было пыли. Даже тоненького слоя.

Значит, добродетельная запаковала его в потолок совсем недавно. Перед своим уходом.

Осторожно спускаясь на пол с книгой в руках, я задумалась, как именно уходила Тейселен.

Судя по рассказам феечек, она просто упала в обморок. А потом глаза вместо нее открыла уже я.

А что было скрыто от взглядов окружающих?

Где сейчас эта чистая душа? Для нее, наверное, нет необходимости встречаться с чиновником небесной канцелярии, у добродетельной высокий проходной балл в иные миры.

Я уложила альманах на столик и с некоторым волнением посмотрела на кожаный переплет, украшенный стразами. Сияющими камнями был выложен узор в виде крыльев бабочки. Или феи.

Резко выдохнув, я рванула на себя обложку, будто дверь в новый мир. Хотя, так оно и было.

Внушительный альманах формата А3 открывался, как музыкальная шкатулка.

С глянцевых страниц, испещренных каллиграфическим почерком, срывалась веселенькая мелодия.

Я себя будто на утреннике в детском саду почувствовала.

Угораздило ж попасть в мармеладно-зефирную реальность! Хотя, таковая, вероятнее всего, лишь в этом зачарованном лесу, который я еще для себя даже открывать не начала.

Но прежде чем выйти за порог самой, надо изучить эти... эм-м-м, семьсот пятьдесят четыре страницы!

И все от руки написаны.

Тут я начала сомневаться, что Тейселен ушла, как спланировала, уступив место волонтеру, по своей воле. Скорее можно поверить, что она реально скукожилась на слове “Конец”, как я на восемьдесят седьмой свечке, и Гриня права в природе ее удара.

Довела себя до истощения, вот и весь сказ.

Но стоило так подумать, как прямо на моих глазах на раскрытой передо мной странице с заглавием “Введение в Школу Фей” материализовался конверт из плотной желтоватой бумаги.

И на нем все тем же идеальным почерком было выведено: “Моей преемнице. Скрыто от чужих взглядов”.

Сдается мне, в этом письме – концентрат всего необходимого.

Я жадно схватила адресованное мне (а то кому же еще?) послание.

Вскрыла так поспешно, что порезала палец острым краем конверта и ойкнула, когда серебристо-розовая капля упала на стол.

Сколько мне всего еще узнавать о нынешней волшебной природе!

Сунув палец в рот, как делала это в свою земную бытность, ощутила вкус крови. Солоновато-сладкий. Что-то похожее на соленую карамель. И кажется, ароматизированная.

В голову полезли неприличные, но практичные мысли. Есть ли у фей естественные женские дни? Собственно, раз уж они размножаются, то и это должно быть.

Но не эта проблема у меня сейчас основная.

Заметив, что кровотечение не разошлось, достала письмо.

Расправила пахнувший цветочными духами листок и прочла:

“Приветствую тебя, о, моя преемница! Раз ты оказалась в моем теле и читаешь эти строки моими глазами, поскольку ничьи другие их не различат, значит ты – достойнейшая из достойных! Возможно, твоя добродетель превосходит и мою собственную. Поэтому нет необходимости особым образом вводить тебя в курс нашего с тобой дела. Ты во всем разберешься куда лучше моего. А еще тебе достанет сил противостоять наглому и жестокому генералу Брелентеру. Исчадию тьмы в оболочке привлекательного мужчины”.

На этом месте я прервалась, чтобы выругаться вслух.

Значит, инструкции не будет, поскольку Тейселен уверена в том, что ей на смену послали усовершенствованную версию?

Спасибо, хоть сочла нужным про генерала драконов упо-

мянуть!

3.5

Я вспоминала свою предшественницу тихим, но отнюдь не беззлобным, словом, одновременно пытаюсь вчитаться в альманах.

Информации там было много, и на том спасибо.

Но описания преимущественно сухие, словно это воинский устав, а не послание нежной ванильной феи.

Зря Тейселен от генерала сбежала на тот свет, у них бы прекрасный тандем мог со временем получиться.

Создали бы армию фей и выпускали их на врага для разогрева. Сотня разъяренных женщин способна на многое, драконам и не снилось такое.

Кажется, сегодня мне выспаться не удастся, если я хочу выглядеть хоть чуточку адекватной.

Из первой главы альманаха я узнала, что школа фей существует почти триста лет, и добродетельная Тейселен сама является ее выпускницей.

Нынешняя директриса прошла карьерную лестницу снизу доверху.

Сначала была лаборанткой, потом младшим преподавателем. И постепенно добралась до высшей ступени. Возможно, дело не только в дурно воспитанном генерале, просто ей расти уже стало некуда, и добродетельная заскучала.

В школе фей обучаются как девочки-полукровки, в гене-

тике которых затесалось хоть что-то от фей, так и чистые особи.

Я с удивлением прочла в оставленной мимоходом сноске внизу страницы, что высшие феи, такие как Тейселен, не имеют родителей, поскольку рождаются из волшебной энергии. Но сами способны производить потомство. И поскольку феи бывают только женского пола, то неизбежно у них получаются полукровки. Сыновья наследуют расу отца, а девочки появляются на свет бескрылыми. И крылышки пробиваются у них ближе к совершеннолетию или инициации, впрочем одно часто означает другое.

Вот же меня угораздило вселиться в мифическое существо! Спасибо, хоть не кентавр или химера какая-нибудь.

Жалко, что кроме этого скупого абзаца я пока ничего больше о фейской природе не нашла.

Дальше пошел устав школы фей.

И я снова подумала, что Тейселен могла бы и армейскими порядками заведовать.

Девочки обучались в школе фей с тринадцати до восемнадцати лет. Старшие опекали младших.

Право получать образование имели лишь девицы высочайших моральных принципов. Если им не соответствовать – легко можно вылететь. Точнее – после третьего предупреждения.

А нарушением считались очень многие вещи.

Сквернословие, пропуск уроков, склочничество, воров-

ство. И разумеется, аморальное поведение.

Девичам ни в коем случае нельзя себя запятнать ни малейшими подозрениями о связи с мужчинами.

Вредные привычки, разумеется, также жестко порицались.

Вечеринки были под строгим запретом. В школе, по сути, есть комендантский час. После девяти вечера ученицы должны сидеть в своих комнатах и носа на улицу не казать.

Исключение – это некие летний и осенний фестивали, когда по ночам проводятся обряды.

Отдельная статья, за которую можно с треском быть изгнанной из школы, не дожидаясь второго и третьего предупреждения – вредительство в волшебном лесу. Список того, что к нему относится, занял аж три страницы.

Кошечки-рожечки, сдастся мне, фея Тейселен такая же душная, как и добродетельная!

Кажется, я дочитаю альманах и позеленею с тоски, как Гринельма.

Наскоро пролистав громоздкий альманах, я с сожалением поняла, что там нет глав о том, как управляться с крыльями.

Вздыхнув, я захлопнула книгу и закрыла глаза. Вернусь к чтению чуть позже, пока голова путается.

В дверь постучали.

– Открыто! – возвестила я.

Внутри комнатки робко просунулась голова Мерципен.

– Госпожа Тейселен, – пропищала юная помощница, – вас

ожидают в общей столовой. Для вечерней напутственной речи. Без вас мы не начнем.

Вечерняя напутственная речь?

Серьезно?

Ох, я сейчас должна предстать перед всеми ученицами и преподавателями речи и вещать им что-то высокодуховное?

ГЛАВА 4

На меня смотрели почти тридцать пар глаз.

В основном воодушевленно. Но в некоторых взглядах читалась обреченность.

Видимо, не всем напутственные речи Тейселен казались вдохновляющими.

Я обвела задумчивым взором свою паству.

Девушки и девочки разместились в веселенькой круглой столовой за четырьмя длинными столами.

Как я навскидку поняла – за тремя сидели воспитанницы, за четвертым – преподавательницы и мои помощницы.

Девчушек рассадили вместе по возрастным группам.

Мелких феечек было меньше всего, я насчитала пятерых. Средняя группа – восемь человек, и стол с самыми старшими ученицами вмещал семерых девушек. Не так уж их и много. Надеюсь, это все воспитанницы, а не один из трех факультетов, допустим.

Молчание затянулось. Не только девицы, но и помощницы начали недоуменно переглядываться.

А я сделала лицо зефирным кирпичом. То бишь, изобразила невозмутимость.

И чем я должна напутствовать три десятка благородных девиц перед едой?

В голову лезла нетленка типа: “Тщательно пережевывая

пищу, ты помогаешь обществу” и “Когда я ем – глух и нем”.

А, или еще, помнится, в школьной столовой у моих детей плакат висел: “Нет ни бабушек, ни мам, убирай посуду сам”.

Елки зеленые, чего от меня ждут-то? Или я не о еде должна напутствовать, а настроить на благочестивый сон?

– Наставница, – подала голос одна из феечек, сидевших за преподавательским столом, – все в порядке?

Да хрена с два. Но я в этом не признаюсь.

– Т-с-с... Брелиген, – шикнула я, лишний раз про себя поблагодарив Тейселен, подсказавшую нужное имя в моей голове, – неужели ты думаешь, что мое молчание – нечто случайное?

Брелиген испуганно замотала головой. Эта феюшка была оформлена в розовых тонах, и даже волосы ее отливали фуксией.

– Сегодня я хотела поговорить с вами о... девичьей сдержанности, – вдохновилась я собственным ступором, – но вдруг поняла, что о ней лучше молчать. Да-да! Ведь болтать о скромности и сдержанности то же самое, что сухим текстом описывать музыку или рисовать танец углем на стене. Поэтому моя сегодняшняя речь будет молчаливой. Я хочу, чтобы вы сейчас все закрыли глаза и прислушались к себе. Пусть каждая спросит сама себя, насколько добродетельной, сдержанной и скромной она была сегодня. И сама же себе ответит.

– Bravo! Как глубоко! – прошелестели феи за преподава-

тельским столом.

А из-за среднего стола вдруг донеслись сдавленные рыдания.

Затем одна из учениц, девочка лет пятнадцати, вскочила, подбежала ко мне и рухнула на колени, заламывая руки.

– О, Тейселен! – закричала она, заливаясь слезами. – Это непостижимо! Вы такая проницательная! Я... я хотела скрыть от вас, но вы увидели суть. От себя спрятаться невозможно. И я больше не могу скрывать... это я рассыпала запас пыльцы в кладовке!

Столовую заполнил гомон, из отдельных обрывков фраз я поняла, что виновницу уничтожения фейской... феячьей... впрочем, не столь важно... волшебной пыльцы ищут уже три дня. И я только что продемонстрировала невиданную прозорливость, заставив бедную девочку признаться в невольном прегрешении.

Какая у них тут самоцензура однако!

– Что теперь со мной будет? – с испугом вопрошала девица. Поискав в голове ее имя, я с облегчением узнала ответ – Иридель.

– Встань, Иридель, – ласково сказала я, протягивая ей руку, – и на старуху бывает проруха. Мы тебе придумаем отработку.

– Но это уже второе предупреждение! – возмущенно встала вдруг Гринельма. – Мы обязаны его вынести, чтобы никому неповадно было портить инвентарь школы, да еще и

молчать об этом! Врать недопустимо!

Что-то Гриня слишком ревностно соблюдает правила. Хотя, кажется они к этому привыкли и это мне надо внимательно изучить их порядки. Прежде чем начать наводить свои. Впрочем, мне терять особо нечего. И это Тейселен отсюда бежала, сверкая призрачными пятками. Могла бы сама экзамен преемнице устроить.

– У меня есть списки нарушителей, – многозначительно продолжала Гриня, – и напротив Иридель появится вторая галочка.

Девчонка всхлипнула.

– Не дрейфь, – я ободряюще похлопала ее по плечу, – второе предупреждение это еще не исключение из школы. Помоешь туалет пару дней зубной щеткой, искупишь свою вину.

– Но список! – Гринельма чуть не задохнулась от моего предложения.

– Никуда твой список не денется, – успокоила я помощницу, – мы должны давать шанс на исправление, тем более, Иридель не специально погром устроила. Но хватит об этой несчастной пылице. Все успели обратиться к своей внутренней фее?

Я обвела присутствующих строгим взглядом. Кажется, начала входить во вкус.

Девочки поспешно закивали.

– Ну и все. Приятного аппетита. И не забывайте хорошо

пережевывать еду. Измельченная пища – залог правильной работы пищеварительного тракта!

С чувством выполненного долга я села на свободное место во главе учительского стола, сопровождаемая взглядами воспитанниц и преподавательниц.

4.2

Я шла босиком по шелковой траве, наслаждаясь мягкими прикосновениями листков и стебельков к своей коже. И с наслаждением вдыхала запах леса.

После ужина решила, что настало время познакомиться со своим заповедником.

Позади меня семенила Гриня. Кажется, она все еще дулась из-за своего списка.

Но мне было на это немножечко наплевать. В конце концов, я тут настоятельница... брр, то есть наставница и директриса. А значит что скажу, то и канон.

Выносить девчонке предупреждение за неловкость – это просто низость, я считаю.

Может у бедняжки голова закружилась, не подкрепилась вовремя, сахар упал, тут не только пыльцу рассыпать можно, но и собственные зубы по углам.

На лес спустились сумерки, я с удивлением и с искренним дитячьим восторгом смотрела, как загораются совершенно необычные источники света. Шляпки грибов, цветочки и листочки на деревьях, жучки и даже перышки дремлющих на ветках пташек.

И что самое завлекательное, вся эта биологическая иллюминация срабатывала четко по пути моего следования.

– Мать честна! – с восторгом вырвалось, когда я заметила

такую чудесную природную метаморфозу. – Умное освещение!

– Что такое, Тейселен? – обеспокоилась Гринельма. – Где-то недостаточно быстро загорелась подсветка? Обычно ты не обращаешь на нее внимания.

– Да? – удивилась я. – Ну, бывает, взгляд замылился. На самом деле я часто восхищаюсь тем, что вокруг меня. Но глубоко внутри. А сегодня словно впервые вижу все это вот. Прекрасное и замечательное.

– Заповедный лес великолепен, – елейным голоском согласилась со мной Гринельма, – и благодаря тебе, все его редкое разнообразие сохраняется уже много лет.

Тут градус блаженства снизился, потому что помощница вздохнула и скорбно произнесла:

– Что же теперь станет с лесом, после того как ты станешь женой генерала?

– Не дрейфь! – откликнулась я. – Где наша не пропадала? Я и не из такой задницы выбиралась с прибавкой к зарплате и внеочередным отпуском в награду.

– Из... откуда? – Гринельма обеспокоенно прикрыла рот изящной ручкой.

– Это фигура речи такая, – успокоила я ее, – означает глубокое погружение в неприятности. Подумаешь – дракон. Некоторые мужики в моей жизни были те еще животные. Ничего, сдюжила.

Вдруг слева мелькнуло что-то большое. Угрожающее. Оно

фыркало и трещало кустами.

Я была не готова к лесным чудовищам, поэтому взвизгнула.

Гринельма послушно повторила мой вскрик.

А “чудовище” зафыркало еще громче и кажется недоуменно. Цикады испуганно примолкли.

– Это же Эуфлон! – сказала вдруг Гриня с недоумением.

Ко мне с опаской, кося невероятной красоты глазом, приближался прекрасный, изящный олень с тонкими веточками новеньких, недавно отросших рогов.

Животное смотрело на меня так же удивленно, как и Гринельма, но все же тянуло мордочку, рассчитывая на приветствие с моей стороны.

– Привет, Эуфлон, – в горле у меня пересохло с перепугу, – прости, дружок, не ожидала тебя увидеть.

– Да, обычно он встречает тебя на вечернем обходе чуть дальше, – подтвердила Гриня.

– Вот именно, я привыкла к постоянству! – обрадовалась я возможности себя оправдать. А сама уже тянула руку, чтобы погладить это совершенно невероятно очаровательное существо.

Стоило прикоснуться пальцами к нежной, будто бы замшевой шкурке, я почувствовала такой восторг, что не удержалась и запела:

Со мной, лесной олень,
По моему хотению,

Умчи меня, олень,
В свою страну оленью...

Вообще у меня нет слуха. И голоса. Так что я рассчитывала просто промурлыкать знакомый с молодости мотивчик.

Но как оказалось, у феи Тейселен совершенный музыкальный слух и волшебный тембр.

Я застыла и смолкла, пораженная звучанием своего нового голоса. Ангельское пение, честное слово!

И что еще удивительней, как только я начала петь, птички лесные тут же принялись подчикивать.

Над головой моментально образовалось облачко из пичужек. И я с опаской косилась на него, помня, какие сюрпризы могут посыпаться от пернатых щебетунчиков. Но пока обходилось без сюрпризов. Хотя если эти пташки гадят зефирками, я не удивлюсь.

– Какая необычная песня, – заметила Гриня, – я у тебя еще такую не слышала. Ты ее тоже сама написала, как и все остальные?

– Мне ее подсказала природа, – я сдержанно улыбнулась, продолжая гладить оленя, который ластился, словно котенок.

Интересный мир. Чудесный лес.

Главное, чтобы от этой всеобщей благости у меня ничего нигде не слиплось.

4.3

Этот безумный, невероятно длинный день, в котором я

сначала лишилась жизни, а потом ее обрела, подходил к концу.

Я пока что еще понятия не имела, как мне завтра вести урок в средней группе и собиралась поискать ответ в альманахе. Буду читать его, пока не отрублюсь. Что-то мне подсказывало: феи спят меньше обычных людей, гораздо быстрее восстанавливаются и больше успевают.

Но до ночных бдений очень хотелось принять ванну, переодеться в пижамное и растянуться в уютной койке.

Хм.

Все эти желания просто и обыденно звучали для моей человеческой жизни. А в этой у меня были крылья!

Как с ними купаться, допустим? Не сотрется ли с них феячья пыльца, и вообще не размокнут ли они, не распарятся от мокрого влажного воздуха?

И как на них спать?

Все-таки должен быть на моем теле рычажок, при нажатии на который крылья снимаются. Или нет?

Найти бы его.

Я представила физиономию Грини, когда подойду к ней с просьбой: “Подскажи кнопку, которая отстегивает крылья”.

Если они впрямь не снимаются, меня упекут в местную психушку и без усилий Брелентера.

Чтобы немного больше понять о своей новой анатомии, полезла в платяной шкаф. Как почти все в этом странном месте, он имел округлые очертания.

Двери открывались как у шкафа-купе. Пузатенького тако-го.

А внутри поместилась примерно дюжина легких платьиц пастельных тонов.

Наугад я вытащила одно из них, из середины, нежно-бирюзовое. Принялась его разглядывать и от увиденного в животе похолодело.

Таки они не снимаются!

На спинке платья были предусмотрены разрезы для крыльев, на кнопках. Судя по всему, на мне сейчас точно такая конструкция. А это значит, придется приспособливаться к такому анатомическому разнообразию.

Вздохнув, вернула платье на вешалку и открыла отделение с полками. Там нашлись легкие ночные рубашки, по виду они недалеко ушли от выходных нарядов. Все-то у нашей Тейселенушки изысканное и элегантное. Так что придется мне спать в пеньюаре, пока не раздобуду себе что-нибудь более привычное и приличное.

Критическим взглядом оглядела нижнее белье и нашла его великолепным. Оно словно соткано из паутинок, невесомое и при этом достаточно плотное. Не стринги какие-нибудь, просты господи, а по длине как шортики, прилегающие к телу. Вполне достойно.

Дольше всего я искала халат, рассчитывая увидеть что-то длинное и махровое. Но увы, обнаружилось нечто, напоминающее короткое кимоно.

Вздохнув, сгребла свои трофеи и направилась в ванную. Помещение оказалось достаточно просторным, с овальной широкой чашей ванны, маленьким рукомойником с раковиной в форме розовой ракушки и кругленьким стульчаком. Все-таки у фей потребности обычные, человеческие. Правда в течение этого бурного дня они меня не беспокоили... зато сейчас разом все включились.

Я ощутила и усталость, и сонливость и все телесные нужды, кроме разве что голода, потому что поужинать все же получилось.

Раздеться было непросто. Я гонялась за кнопочками на спине, силясь их расстегнуть.

Если бы рядом со мной в этот момент очутились мои ученицы, смогли бы существенно обогатить свой словарный запас.

Наконец, удалось наловчиться и снять платье.

К тому времени вода уже переливалась из ванны, а шапка душистой пены сползала на пол.

Да, кстати, отдельный жирный плюсище – наличие в волшебном лесу канализации. Как я поняла, локальной. У них тут не было разветвленной системы с сотнями труб, прокинутыми под землей из центра. Каждый домик подсоединен к своему бойлеру, куда каждый день заливают воду рабочие, которых я пока что не видела.

Пришлось чутка слить воду, чтобы не чувствовать себя Архимедом, открывающим закономерности вытеснения во-

ды объемом тела. “Эврику” я и просто так могу покричать, без того чтобы тут потопаы устраивать.

Добившись идеального наполнения, я с наслаждением погрузилась в ванну... и тут же чуть не поседела, поняв, что забыла про крылья, будь они неладны!

В ужасе вскочила, чуть не навернувшись, потому что мокрая и скользкая, да еще в воде стою.

С опаской попробовала пошевелить крылышками и поняла, что они слушаются. По сторонам полетели брызги.

Завернув шею так, как в своей пенсионерской жизни ни за что бы не смогла и скосив глаза чуть не на затылок, увидела, что кажись, крылья у меня водостойкие.

Водичка по ним спокойно стекала, вместе с кусочками пены. А никакая пыльца следом не сползала и сами крылышки не размякли, пузырями не пошли. Только окрасились в ровнехонький розовый.

Поняв, что тут обошлось, продолжила водные процедуры. Плескалась, куда вода не остыла. Потом вспомнила, что я фея, а не русалочка и вылезла.

Завернувшись в большую махровую простынь и залегла с альманахом, долистав до приложения с учебным планом. За ним и отрубилась, прямо так, на животе, уткнувшись носом между глянцевого страниц.

4.4

– Кто скажет мне, что мы сегодня будем проходить? – я обвела пристальным взглядом собравшихся.

Насколько я смогла разобраться в альманахе Тейселен, обучали тут в трех группах. В первую входили девочки от тринадцати до пятнадцати лет, во второй были воспитанницы пятнадцати - семнадцати, и наконец в третьей возрастной диапазон семнадцать - восемнадцать. То есть, в первых двух сидели по два года.

Сейчас передо мной были восемь девиц в возрасте около шестнадцати.

Одна из них – та самая Иридель, которая проштрафилась с волшебной пылью.

Она смотрела на меня с обожанием. То ли Тейселен уже была ее кумиром, то ли сделалась им вчера.

Может, она подскажет, что мы должны изучать?

Да, я нашла вчерась учебный план. Но увы, расписан он был не особо подробно, темы обозначены по неделям. И это не самая большая проблема. Хуже всего то, что я не разобралась в принципе, какая нынче у нас неделя. Потому что названия месяцев не совпадали с земными. Я могла только ориентироваться на времена года.

Меня вырвали из весны. А здесь, в зачарованном лесу все выглядело так, словно лето в разгаре.

Я могла подогнать примерно, какая неделя учебного плана сейчас идет. Но велик риск обмешуриться.

Поэтому я рассудила, что строгая Тейселен могла бы контролировать осознанность учениц, заставляя самих вспоминать, что они сейчас проходят.

– Чего молчим? – мои губы сами собой растянулись в улыбке. Надо полагать, такой же чарующей, как и мудрой.

– Неужто вы забыли, в какого сорта гранит впились ваши белые зубки?

Девчата неуверенно захихикали.

И то хлеб. Очень уже они зажатые. Не такими я представляла себе феюшек. В моих фантазиях это беззаботные существа, порхающие с цветка на цветок, подобно бабочкам или колибри.

А тут какие-то новобранцы в женскую армию.

Из восьми девочек крылышки были у двоих. Надо полагать, это чистокровные феечки, рожденные из волшебной энергии, как и Тейселен. У них как раз и лица самые серьезные. Уже с грузом ответственности сюда явились. Кто б знал, что добродетель так к земле-то тянет!

– А почему гранит? – пискнула одна из воспитанниц, рыженькая и очень кудрявая.

И до меня дошло, что местный фольклор с земным не совпадает.

– Видишь ли, Веснушка, – натянуто начала я.

“Миртайя” – подсказало эхо в моей голове.

– В одной из далеких стран, Миртайя, есть такое выражение: грызть гранит науки. Означает глубокое погружение в учебу. С зубами.

– Это похоже на каменоломню, – с сомнением произнесла другая ученица, брюнетка с крылышками, – я слышала, есть на Севере такие существа, которые добывают камень, вгрызаясь в него зубами. Но это не про науку.

– Кажется, меня кто-то отвлекает от темы, – пропела я, – итак, кто сейчас первым назовет предмет сегодняшнего занятия, получит дополнительную бабочку!

Бабочки тут вместо отметок. Они выглядят как обычные сушеные насекомые, только переливаются от густой волшебной посыпки. Но если подуть на такую бабочку, она оживает на какое-то время. У местных отличниц, должно быть, по целой ферме бабочек в комнатах.

Тут же вверх взмыли пять рук. Феечки оживились.

– Ты была первая, – я указала на брюнетку... кажется, ее зовут Керлен.

– Сегодня у нас практическое занятие, – выпалила девочка, – чтение мыслей цветов.

– А у них есть мысли? – обалдела я так, что выдала себя ненароком. Но к счастью, ученицы приняли это за очередную провокацию наставницы и наперебой загалдели.

– По одной! – шикнула я. Разумеется, ласково.

– Хоть растения по отдельности не обладают личным сознанием, – отчеканила Веснушка Миртайя, – но собираясь

в группы, получают коллективное. И это можно использовать в травничестве, чтобы найти нужные скопления целебных цветов.

– Умничка, – похвалила я. И не хило так напряглась.

Это ведь получается, я сама должна уметь считывать послания групп растений!

Но вчера я ничего такого не почувствовала. Шибко оленю обрадовалась, видать.

– Что ж, идем в лес! – скомандовала я. – Будете мне показывать, как усвоили знания!

Пускай девочки себя проявят, а я буду к себе прислушиваться. Нормальный вариант, как по мне. Хорошо, что сейчас, судя по всему, окончание учебного года, время проверочных работ. И сегодня мне лекцию читать не надо, по крайней мере, в этой группе. Вторым у меня нынче идет выпускное отделение.

Воспитанницы шли чинненько, гуськом.

Но оказавшись на улице, слегка раскрепостились.

Мои крылатки расправили крылышки. Керлен не то шла, не то летела, едва касаясь травы носками туфельек. А вторая, Сиртен, смешно подпрыгивала, мотаясь вверх-вниз. Эту девочку с каштановыми волосами отличали нефейские пропорции. Она довольно пухленькая. Я думала, таких и не бывает, но крылышки доказывали обратное.

Керлен смотрела на одноклассницу свысока, как на некое недоразумение. Это очень даже считывалось по ее взглядам,

мимике и движениям. Сиртен запыхалась, пытаясь держаться рядом с себе подобной крылатой красотке, но Керлен тут же искусно отдалялась, поднимаясь повыше и меняя траекторию.

Феи такие же люди, собственно. С их пороками и желаниями.

По широкой, усыпанной цветами дорожке, мы прошли между деревцами к полянке.

А за нами устремились разноцветные бабочки и мелкие птишки-щелбетики.

Из кустов то и дело выглядывали любопытные глаза, слышалось фырканье и клекотание. Периферическим зрением я видела ежиные иголки и наостренные заячьи ушки.

Я в деревне выросла, но у нас столько живности в лесах не водилось и уж точно людей не преследовало.

Хотя, время было суровое, почти всех и поели. А те, кто в живых остался, благоразумно держались подальше от голодных детей и взрослых.

Вспомнив голодное, бедное военное и послевоенное детство, я вздрогнула. Что ж, баба Тася, ты заслужила вторую жизнь, безбедную и сказочную. Надо только ее тут себе обустроить.

К счастью, подсказки тела мне в этом помогали.

Я остановилась посреди полянки, и по реакции учениц поняла, что место выбрала верное. Они тут же выстроились подле меня полукругом.

– Начинайте! – я совершила руками пассы, которые мне самой казались величественными.

Окружающие нас плотным кольцом птички сочли это дирижированием и зачирикали так, что я своих мыслей не слышала, не то что цветочных.

– Вот разгалделись, трясогузки, – заворчала, пошевелив пальцами. И поняла что да, концертом пернатых можно управлять.

Опускаешь руку – и замолкают щебетуны, которые ближе к ней. Поднимаешь – и громкость вроде как увеличивается.

Я себя почувствовала звукорежиссером за пультом. У меня внучок за таким работает.

Только вот с бегунками, то бишь с пальцами, разобраться надо. Их шевеление включает и выключает определенных птичек.

– Мы можем приступать? – прервал мои дирижерские упражнения вопрос Керлен.

– Да, я же вам дала отмашку! – возмутилась я.

– А птицы? – не успокаивалась брюнеточка.

– Это для усложнения задания, – нашла я, – вы должны уметь отстраниться от несущественного и поймать нужную волну.

– Ух ты, как на выпускном экзамене! – удивилась Веснушка.

– Именно! – я напустила на себя значительности. – Вы очень способные девочки, и я решила приблизить вас к жиз-

ненным условиям.

Девчонки закивали и принялись разбредаться по сторонам.

Я заметила, что все они приняли примерно одинаковую позу.

Чуть согнулись в пояснице, голову склонили чуть вправо. Прислушиваются.

Тихонечко ушуршав за деревце, чтоб не маячить на глазах у девиц, я повторила эту позу. И у меня все само как надо на место встало. Опустив веки, не просто прислушалась, а еще и принялась.

И в мое сознание тут же ворвался шелест. Или шепот?

“Сухо... сухо... полив”.

“Миллион листочков”.

“Червяк подтачивает корень”.

“Украли семена, украли”.

Сколько информации! Я была совершенно уверена, что слышу растения. И чувствую их запахи. Причем необычно, потоками.

Меня аж затрясло от хорошего такого возбуждения.

Хотелось смаковать эти ароматы и звуки, открывать новые грани своих возможностей, так сказать.

Но тут в мои блаженные ощущения ворвался испуганный крик:

– Иридель вляпалась в гадючницу! Ей нужна помощь!

Я бросилась на вопль и вскоре моему взгляду предстало

не лучшее зрелище.

Девчонка валялась в траве, закатив глаза так, видны были одни белки и тряслась. А на ее руках и лице стремительно появлялась красная сыпь.

4.5

– А ты и впрямь бедовая, – пробормотала я, разглядывая бедняжку.

У девчонки явно аллергическая реакция на агрессивный раздражитель. Что самое возмутительное, я слышала что-то вроде хихиканья. Сдавленное, шелестящее, но вполне различимое.

– Кто тут ржет? – раздраженно спросила я, оглядывая троих учениц, подбежавших к павшей.

Девочки растерянно посмотрели на меня, потом друг на друга и пожали плечами. А хихиканье усилилось.

Тут я поняла, что это смеется гадючница! Стелящийся кустарник с мелкими желтыми цветками и редкими пупырчатыми шипами. Иридель и нанюхалась и укололась, судя по всему.

Вряд ли в этом мире и конкретно в заповедном лесу есть антигистаминное. И что совсем погано – от меня, то бишь феи Тейселен ждут каких-то конкретных грамотных действий.

Вон как на меня смотрят эти пигалицы. У Веснушки аж челюсть отпала и потерялась в районе пупка.

Уместно ли сейчас использовать свою “коронку” и требовать решение сложной задачи с учениц?

Собственно, все равно уже на уместность, тут речь о жиз-

ни ребенка идет. Непутевого, бедового, но ребенка.

– Чего стоим, как соляные истуканы? – напустилась я на воспитанниц. – Вот вам еще одна практика. Незапланированная. Как лечится отравление гадючницей?

Пухляшка Сиртен, захлопав внезапно посиневшими крыльями, заявила упавшим голосом:

– Никак.

У меня сердце чуть сквозь лифчик не выстрелило.

– Мы можем лишь облегчить острое состояние больной, – заученным тоном продолжила Веснушка Миртайя, – смазать волдыри маслом ичилги, чтобы не чесались. И ждать три дня, пока они не сойдут.

Что делать с припадком, кажется никто не знал.

А я уже и так кучу времени потеряла. Мне бы нашатырь хотя бы.

Опустившись на колени перед Иридель, я в первую очередь вставила ей между зубов палочку, найденную тут же, чтобы она не прикусила язык.

Измерила пульс. Повышенный, но не то чтобы критичный.

“Подобное лечится подобным” – прошептал вдруг голос травы. Гадючница то ли издевалась надо мной, то ли дело советовала. Я вообще гомеопатию не особо приветствую, как медицинский работник старой закалки. Но может и правда попробовать?

Закрыв глаза и прислушавшись к себе, не встретила про-

теста. Внутренняя Тейселен, кажется, не возражала против способа гадючницы.

Я сорвала листок с растения-монстра, растерла между пальцами. Пахучая зараза, и отдаленно нашатырь напоминает.

Помахав листиком у носа Иридель, увидела с огромным облегчением, что девица перестала трястись.

А еще секунд через тридцать ее веки сомкнулись и пострадавшая задышала ровно и спокойно. Уснула что ли?

Надо бы удостовериться, что это не обморок. Я растерла девчужке уши. Приток к голове крови подействовал.

Иридель открыла глаза и замычала, обнаружив у себя во рту палку. А потом резко села, я ее не успела притормозить.

Так и хлопала глазами, мыча при этом, как буренка недоенная.

Я вытащила ветку из зубов бедолажной и отбросила ее за спину. Иридель рванулась было вперед, будто собиралась побежать за палочкой, подобно бобику на прогулке. Но быстро передумала.

– У меня все чешется! – захныкала она.

– А какого рожна тебя в ядовитые кусты понесло? – попыталась я на нее зарычать, но получилось миленько.

– Они меня звали, – Иридель всхлипнула и попробовала оторвать себе щеку ногтями.

– Цыц! Расчешешь кожу, рябая потом будешь всю свою бесконечную феячью жизнь.

Я помогла воспитаннице встать.

– Отведите Иридель в медпункт, – велела Миртайе и Сиртен.

– Куда? – не поняла Веснушка.

– В лечебницу. Ну или как там наш целительский кабинет называется, я от волнения подзабыла. Пусть ее этой самой... ичилгой от макушки до пяток намажут. Или компресс делают.

Сиртен кивнула так энергично, что у нее чуть ямочки щек не выпали и подхватила Иридель под руку. Веснушка пристроилась с другой стороны.

Практический урок был загублен. Пришлось всех созывать и отправляться обратно в школу.

Но все не зря. Не знаю, как насчет моих учениц, но я сама научилась слышать лютики-цветочки, да еще и поняла, на кой это надо. Того и глядишь, волеюсь в учебный процесс, так, что мне это и самой по нраву придется.

ГЛАВА 5

Шел пятый день с тех пор, как я стала феей.

А чувствовала я себя так, будто уже с месяц провела в заповедном лесу. Свыклась с новой жизнью и даже с крыльями, которые, как оказалось, меняли цвет в зависимости от моего душевного расположения.

Узнала я об этом не самым лучшим образом, от Грини, которая удивилась, что я начала открывать чувства окружающим. Прежняя Тейселен умудрялась как-то удерживать свои отростки в одной цветовой гамме.

Я как тот Штирлиц, которого выдавала то ли буденовка, сдвинутая набекрень то ли парашют, который волочился за ним по земле.

Мою затею с тем, чтобы ученицы сами называли тему урока, каждый раз использовать не будешь, но я все же успела разобраться малехо с учебным планом, и худо-бедно понять, какие мы темы штудлируем. Памятуя, что у нас нынче конец учебного года, я сосредоточилась на проверке знаний по темам. Вызывала к доске и домашку требовала. Пока это срабатывало. Проверить правильность ответов можно было и по мордочкам моих учениц, которые морщились, как изюм, когда кто-то морозил глупости, и по методичке. Я все-таки нашла пособия по фейству. Разумеется, я их за лето собиралась и сама все прочитать. По возможности, конечно.

В начале сезона, конечно, можно контрольные и проверочные давать, мол, чтобы вспомнили прошлогодние знания... но потом все равно мне придется их чему-то учить. А то новые домашки не с чего будет спрашивать.

Так что, Тейселен Михална, придется тебе получать второе образование. Ничего, на медика выучилась как-то. А тут с молодыми волшебными мозгами, да способностями их истинной хозяйки уж прорвемся!

Никогда в своей жизни я раньше ничего не преподавала. А у меня, может, педагогический талант пропадал. Уж очень ладно сейчас получалось пересказывать целые главы из пособий, которые я все же успела пробежать взглядом. К счастью, пока что мне не особо много требовалось рассказывать и новых тем мы не начинали. Так, резюме года.

Был в плане Тейселен один пункт, который меня поднапряг: подготовка воспитанниц к празднику Встречи Лета.

И не только потому, что местный император обязал нас с Брелентером в эту дату пожениться.

Мне ж надо контролировать подготовку к мероприятию! По задумке бравого генерала, от меня, может, на собственной свадьбе ни шиша не зависит (хотя мы тут еще покумекаем), а вот учебная активность целиком на моих хрупких крылатых плечах.

Поэтому я решила безотлагательно провести педсовет, сразу после занятий.

Собрала помощниц в уютной чайной комнатке. Там, за

столиком с персиковыми зефирками и банановыми мармеладками, мы с помощницами принялись обсуждать неотложные дела.

Всего их у меня было десять, но не все участвовали в процессе, а значит и на нынешнем совете не присутствовали. К примеру, не было Арсельмы, феечки в бирюзовом платье и с платиновыми волосами. Она тут трудилась целительницей, и по понятным причинам, ее владения меня очень привлекали. Я себя еле удерживала от ежедневных проверок.

Также отсутствовала фея-завхоз, так что мы лакомились зефирками вдесятером. Учительствовало лишь семеро из нас. Гринельма оказалась кем-то вроде секретарши и затычки в каждой бочке. Дородная фея, подозрительно похожая на Сиртен, отвечала за дисциплину, мораль и организацию развлечений. Официально она была наставницей общежития.

На остальных лежали разные направления обучения: физкультура, музыка, танцы, магическая теория и практика, целительство и разные феячьи премудрости.

Добродетельная Тейселен могла заменить любого из своих преподавателей, а ее (моим) основным предметом оказалось загадочное “Искусство быть феей”. Очень расплывчато.

– Рассказывайте, на каком этапе подготовка к празднику, – сказала я важно, обведя строгим взглядом своих помощниц поверх чайной чашки.

– Мы же пять дней назад отчитывались подробнейшим образом, – вякнула Гриня.

– За это время многое могло произойти, – резонно заявила я.

И все серьезно закивали.

Так я узнала, что на праздник Встречи Лета у нас в лесу планируется целый фестиваль, на который приглашены жители ближайшего городка. Не все, конечно, а самые достойные. Ожидают даже парочку важных вельмож, приближенных к королевскому двору.

Девочки готовят несколько сценок, танцы, песни и музицирование.

Такой вот утренник с размахом.

Но главное, до праздника чуть больше месяца!

В разгар обсуждения в дверь чайной постучались.

– Входите! – разрешила я.

В помещение неуклюже впорхнула Сиртен. Судя по тому, как на нее посмотрела наставница общежития, они действительно родственницы.

В пухленькой ручке феюшки был свиток с ярко-желтой печатью.

– Посыльный из дома генерала Брелентера доставил депешу для добродетельной Тейселен, – сказала девчушка, с испугом взглянув на меня, – я сегодня дежурю на входе.

Вот и генералушка о себе напомнил.

Я нетерпеливо развернула лист плотной желтоватой бумаги и прочла:

“Генерал Эйдан Брелентер этим документом уведомля-

*ет фрею Тейселен Амилейни, что завтра пополудни ей над-
лежит явиться на свидание, дабы принять ухаживания от
своего будущего супруга”.*

5.2

– И с кем мне ответку отправить? – спросила я, потрясая возмутительной писулькой.

Это ж надо, каков гусь! Уведомляет он.

Под наглым распоряжением был указан адрес. Какая-то смотровая башня на трех холмах.

Эйдан Брелентер очень своеобразно принял мои слова об ухаживаниях.

Я понимаю, что он старый солдат и не знает слов любви. Но не до такой же степени чугунным-то быть!

– Вы можете использовать одну из вестовых птиц, добродетельная, – подсказала мне Афирета, молоденькая фея, преподающая музыку.

– Действительно, – как будто спохватилась я, – такую обычную вещь позабыла. Все из головы вылетело, когда послание генерала прочла!

– Что-то ужасное? – схватилась за сердце родственница Сиртен. Я наконец вспомнила, что ее зовут Зелетия.

– Его благородие вызывает на свидание завтра пополудни. А у меня занятия в старшей группе, между прочим.

– Мы тебя подменим ради такого важного дела! – высунулась тут некстати Гринельма.

– Уроки с моими воспитанницами – это самое важное, что может быть для преподавателя, – нравоучительно сказала я,

– а на свидания таким образом не зовут. Это исключено.

– Это что же, Тейселен, – ахнула учительница танцев, – ты собираешься отказать самому Эйдану Брелентеру?

Я уже поняла за эти дни, что среди преподавательниц у меня несколько подружек, которые со мной на “ты”, а с остальными субординация.

Распустив педсовет, я велела Грине найти мне вестовую птицу пошустрее и пошла писать ответ драконьему отродью.

“Уважаемый генерал, – выводила я старательно, удивляясь собственному каллиграфическому почерку, – вы можете засунуть свой приказ явиться на свидание себе в...”

– Нет, так не пойдет, – сказала я вслух, – слишком в лоб и сразу. Хотя генерал – мужчина прямой, может и оценит.

Но все же решила переписать начало.

“Ваше благородие, дорогой генерал драконов. К вашему прискорбию, я не смогу принять ваше приглашение...”

– Какое к чертям собачьим приглашение! – сама же и возмутилась. – Это он мне приказы отвешивает, будто я какой-то денщик или прапор!

Но просто “идите на хрен, ваше благородие” писать нельзя. По этикету не положено.

Поэтому я остановилась на варианте: “Уважаемый генерал Брелентер, по регламенту приглашения на свидание вам самому следует явиться за дамой и убедиться в ее согласии с вами пойти. Целую крепко, ваша репка”.

Нету у меня навыков ведения деловой переписки, не занималась таким никогда.

Выйдя на улицу привычно расчистила себе кругозор от налетевших птичек. Один из побочных эффектов лесной феи – на тебя сразу вся лесная живность летит, ползет и бежит. От вечного щебетания в башке звенит и без похмелья.

Гринельма спешила ко мне с каким-то попугаем на плече.

Крупная ярко-зеленая (кто бы сомневался) птичка с внушительным шинобелем и веселыми крапчатыми глазами при виде меня радостно каркнула.

К правой лапке прикручено крепление, вроде кармана для корреспонденции.

Я сама закрепила свой ответ Чемберлену в этом кармашке.

– Адрrrrrрессс, – скрипуче произнесла птичка.

Стараясь не выдать своего испуга, я прочитала с листа, куда доставить мое послание, вестовой попугай проворно вспорхнул и тут же растворился в листве.

– Ты ведь не разозлила его? – осторожно поинтересовалась Гриня, проводив птичку взглядом. – Эйдан Брелентер очень влиятельный. И если придет в бешенство, может нашу школу с травой сравнять или плац армейский здесь устроить. А после того, как ты его выгнала с фестивальной поляны в прошлом году... ох.

Вот значит, как! Тейселен и красавчик-дракон уже знакомы, и не лучшим образом.

Что ж, сдюжим, еще и не такое на мою долю бабскую выпадало.

5.3

Эйдан Брелентер

– Репка? Что это значит? – бравый генерал озадаченно поскреб в затылке.

Стоявший рядом Фрэнк задумался.

– Знаете, генерал, у фей очень много всякого э-э-э... символизма. У них имеет значение все: род цветка, его оттенки. Сочетание с другими цветами и зеленью.

– Про это я и так знаю, – Эйдан раздраженно махнул рукой, – но репка – не цветок!

– Ну и у репы есть пора цветения, – рассудительно сказал Фрэнк.

– Вот же зараза крылатая, – буркнул генерал Брелентер, – мне теперь еще и в ее ребусах разбираться! Ты только посмотри, Фрэнк!

И он запищал, изображая тонкий женский голосок:

– “Вам самому следует явиться за дамой и убедиться в ее согласии с вами пойти”.

Возмущенно посмотрев на помощника, добавил:

– Где это видано такое? Согласие у них спрашивать! Да они сами вперед меня всегда на свиданку бегут. Я еще и позвать не успеваю, а уже девица готова на все! На все, Фрэнк! А эта мне репки загадывает. Вот что, Фрэнк, пошли за моим товарищем, Рудольфом. Он человек женатый, может знает

что про эти дамские извращения.

Помощник кивнул и спешно убежал на поиски друга Эйдана.

По счастью, тот чиновничал неподалеку от воинского формирования, где служил генерал.

Прибыв к товарищу, Рудольф сразу заявил, что ему все известно о языке цветов, но вдумчиво на пять раз прочитав странное послание феи Тейселен, растерянно промямлил:

– Однако она большая оригиналка. Вроде как написала, что крепко тебя целует. Это с одной стороны и хорошо. Обнадёживает. Как бы показывает, что все написанное ранее это девичье кокетство. Целует же. Но репка... репка это неожиданно. Нам нужна ведунья.

– Свидание уже завтра! – огорченно сказал Эйдан, раздосадованный тем, что и друг ему помочь не сумел. – Ты сам сказал, что смотровая башня на холме у озера – беспроектный вариант и она займет у подружек еще пару крыльев, чтоб быстрее туда примчать.

– Но она и обрадовалась! Даже поцеловать тебя хочет. У меня с женой такие вольности были лишь на пятом свидании.

– Да, тут она твою обскакала, – довольно тряхнул волосами генерал, – что ж, явлюсь за ней завтра сам. Еще бы понять, чего она точно хочет.

Ворча и бранясь, Эйдан велел найти и срочно доставить ему ведунью-травницу, понимающую язык цветов.

Какое, оказывается, сложное и хлопотное дело – ухаживания!

Чародейку нашли часа через три, когда генерал уже успел позабыть о поставленной задаче, увлекшись построениями и боевыми учениями.

Да, обстановка во всей империи была спокойная и его воины сейчас осваивали мирные ремесла. Но боевую форму терять нельзя, поэтому учения проводились постоянно.

Ведунья выглядела чудаковато, но тем больше было ей доверия. Грузная тетка лет пятидесяти, в черном балахоне, увешанная цветными лентами, амулетами и побрякушками.

Выслушав загадку от феи Тейселен, чародейка важно кивала.

– Огородная магия! Очень сильная. Высшие феи – существа непростые и понять их сложно. Хорошо, что ты меня призвал, генерал. Это действительно скрытое послание.

– И зачем ей что-то скрывать? – раздраженно поинтересовался Эйдан. – Куда проще говорить прямо, без кривотолков.

– Не все вещи приличная девушка может высказать мужчине без стеснения. Репа, к примеру, символ плодородия, изобилия. Она тебе, по сути, сообщила, что готова родить наследника. А если ты готов от нее это принять, на завтрашнее свидание вставь в петлицу своего камзола цветки репы. И на ваш совместный обед обязательно закажи блюдо с нею.

– И где ж я эти цветочки достану? – скривился Брелентер.

– Тут я тебе помочь могу, – оживилась ведунья, – у меня как раз на огороде есть несколько второгодниц. Так что могу продать. За сто шаньев.

– Сто шаньев? Да это грабеж! – рявкнул генерал.

– Точно, погорячилась, – вздохнула с сожалением ведунья, – но попробовать стоило. Ладно, для героя-освободителя будет тридцать.

Эйдан решил не торговаться. Очень его удивило известие, что фея Тейселен, которая вначале высказывала к нему откровенную враждебность, решила капитулировать настолько, что ребенка от него захотела.

Хотя конечно же в этом нет ничего странного. Эйдан Бренлентер – самый завидный жених и в своем королевстве, и во всей империи. Значит, образумилась крылатая.

Напоследок ведунья предложила:

– А чтобы свидание успешнее прошло, советую использовать порошочек специальный. Всыпать его в жидкое блюдо или напиток твоей женщины, и она без недомолвок скажет, что у нее на сердце. Чтобы расшифровывать не пришлось, раз уж загадки ее сложными кажутся.

5.4

Я не собиралась являться ни в какую башню на холме, куда зазывал меня генерал. Если он за мной сам придет, еще посмотрим.

Но на всякий случай, разумеется, была во всеоружии. Девочка ж!

Выбрала самое переливчатое из платьев в шкафу, подобрала симпатичные бусики, браслет и сережки. Сияющие камушки с идеальной огранкой. И каждая грань играет всеми цветами.

Не удержавшись, вертелась перед зеркалом, разглядывая, как ладно сидит платье на идеальной фигуре, как сияют драгоценные камни.

– Смирись, дракон, не для тебя ягодка росла! – мстительно сказала своему отражению, представив насупленного генерала.

Я успела провести одну лекцию, в младшей группе. Была годовая контрольная по волшебным существам. Конечно же, я на ней и сама много чего узнала. Удобный способ обучаться по чужим проверочным.

А на переменке меня отозвала в сторону Гринельма.

– Генерал Брелентер прискакал за тобой верхом, – сказала она возбужденным шепотом. Таким громким, что птички в лесу могли услышать и напугаться.

– Вот чертяка неугомонный, – крикнула я. Вы слышали, как феи крикают? Очень музыкально получается.

Мельком глянув в зеркало у выхода из учебного домика, я осталась собой довольна. Собственно, последние несколько дней я вообще исключительно одобрительно отношусь к своей внешности.

Уже на крыльце вдруг ощутила давно забытое волнение. Это ж кавалер за мной прибыл! Да еще и на жеребце, как в далекой деревенской юности.

– Тейселен, – окликнула меня Гринельма, а после торопливо сунула мне в ладонь крошечный мешочек, перевязанный красной ниточкой.

– Что это? – удивилась я.

– Средство для ведения переговоров, – ответила она, – я знаю, ты не приветствуешь такие вещи. Но сейчас ситуация очень серьезная! Сделай исключение, Тейселен. От того, как у вас с Брелентером сложится, и наша судьба зависит. Так что развязать дракону язык, чтобы узнать, что у него на уме, не помешает. Не отказывайся!

– Ты права, спасибо, – я похлопала зеленую по плечу, поражаясь, какая она заботливая, оказывается. Вовсе не вреднючка занудная... хотя одно другому не мешает.

Стараясь не сильно колотить крыльями, полушла, полулете-ла к воротам школы.

Возле них топтался благородный вороной, а на нем гордо восседал генерал Брелентер, который за эти дни, кажется,

стал еще краше. А может просто выспался, побрился и не пил жидкостей на ночь.

Блестящий кавалер смотрелся превосходно. На нем было что-то вроде парадного мундира. Синий пиджак с эполетами и черные, идеально облегающие длинные мускулистые ноги кожаные брюки. Высокие сапоги начищены до самоварного блеска.

И все в нем было бы ладно и к месту, кабы не пучок невзрачных желтых цветков в петлице.

Такое чувство, что он перед тем, как за мной ехать, полон грядку и рассеянно сунул выдранный сорняк куда придется. Или у бедняжки серьезные проблемы со стилем. Может, костюмчик ему секретарша выбирала, если она генералу положена, а остальными аксессуарами он сам озаботился. Модник-огородник.

– Приветствую, Тейселен! – величественно поздоровался Эйдан Брелентер.

– И вам доброго денечка, – пока что благосклонно ответила я.

– Вы чудесно выглядите, фея, – его улыбка была открытой и вполне приятной.

– Вы тоже, – вернула я комплимент, как культурная, – и букетик интересный.

– Вам нравится? – оживился всадник. – Я принял ваше послание.

– Вот и замечательно, – кивнула я, удивляясь, что он от-

читывается.

Эйдан спешился, легко и красиво спрыгнув с коня. Невольно я им залюбовалась.

– Приглашаю вас в лучший ресторан в Девлире, – он чуть склонил голову, отчего чистые и блестящие волосы колыхнулись, упали на лицо элегантной волной, – из башни на холме открывается чудесный вид на озеро Деала. А еще там отлично кормят.

– Почему бы и нет, – тряхнув локонами, согласилась я. На свидании я лет шестьдесят не была, стоит проветриться, да город посмотреть. А то сижу в своем сказочном лесу.

– И где карета? – я с любопытством огляделась.

– Карета? Какая? – удивился Брелентер.

– На которой я на свидание поеду. Или предполагается, что мне лететь своим ходом надо?

Я красноречиво побякала крылышками, поднявшись над травкой где-то на полметра.

– Хм. Если честно, не подумал об этом. Счел, что вы поедете со мной на Шетрене. Так зовут коня. Вы же хотели ухаживаний и романтики. А что может быть романтичнее этого?

Угу, его благородие решил на такси для дамы сэкономить. Жмот.

Если еще и ресторан забегаловкой с беляшами окажется, ставим на генерале красный крестик.

К счастью, будучи феей, я легко забралась на коня при помощи своих крыльев. Только траекторию рассчитать сра-

зу не вышло, и Эйдану пришлось меня притянуть за подол платья, чтоб я не промахнулась мимо коня.

Брелентер усадил меня перед собой и полдороги чихал, когда мои крылья щекотали ему нос.

Я могла сдвинуться, но не стала. Он сам хотел романтично доехать, пусть теперь получает.

Признаться, молодое, сильное мужское тело почти вплотную к моему ощущать было волнительно. И пахло от генерала приятно. Терпкий аромат, в котором чувствовались хвоя и почему-то лимоны.

Мы выехали из леса, и конь помчал по ровной широкой дороге, которая довольно скоро привела нас в город.

Нарядный, опрятный. Домики в основном в один-два этажа, есть деревянные и каменные.

– Нам не в центр, а к холмам, – проинформировал Эйдан. Жаль, для меня эти слова информации несли мало.

Холмы, выросшие перед нами неожиданно, оказались высокими и облагороженными. Всего их было три. Тот, что посерединке, самый высокий и увенчан широкой и круглой кирпичной башенкой с кучей окошек. А под холмом виднелось овальное озеро с совершенно розовой водой.

– Нам надо подняться туда, – указал Эйдан на башню. Кажется, он это не мне говорил, а вороному. Потому что умная коняшка тут же устремилась к подножию холма, где оказалась удобная дорога.

Башенка была обнесена невысокой кирпичной стеной. За-

ехав внутрь, мы увидели двух коней на привязи. Ну, мы тут не единственные клиенты, уже хорошо. Значит место не заброшенное.

Нас встретил улыбчивый метрдотель, который смотрел на моего спутника со смесью ужаса и обожания. Он так лебезил перед генералом, что еще чуточку, и попытается его подхватить и внести под крышу башни на руках, чтобы его благородие не перетруждалось.

– Я бронировал верхний этаж, – пророкотал Эйдан.

– Конечно-конечно, – служащий закивал так, что голова чуть не оторвалась, – пройдем!

Вынуждена признаться, это было шикарно.

Я ожидала клетушку в средневековом стиле с рыцарскими доспехами, заросшими паутиной, в уголке.

Но верхний этаж, куда нас привели, оказался лучшей из всех виденных мной смотровых площадок.

Четыре высоких и широких окна давали панорамный обзор на холмы, лес и то самое озеро с розовой водой, которое сверху выглядело совершенно волшебным.

Я залюбовалась пейзажем, не обращая внимания на кавалера.

– Не желаете бокал прохладительного перед обедом? – услышала я его голос.

Обернувшись, увидела Эйдана у накрытого белой скатертью столика, где стоял пока что графин и два бокала. Один из них, наполненный до половины, генерал заботливо про-

тянул мне.

– Один момент, я кликну подавальщика, – сказал он, идя к двери.

Порошок! Я должна воспользоваться тем, что Эйдан на меня не смотрит! Не выпуская своего бокала из руки, чтобы не перепутать их потом, всыпала в питье генерала врученный Гриней порошок, запоздало подумав, стоит ли так беспрекословно ей доверять. Но поздно. Напиток зашипел, превращаясь в колдовское зелье.

И тут же вернулся Эйдан, взял свой бокал.

– Предлагаю осушить кубки до дна! – сказал он пафосно, обаятельно и чуть загадочно улыбаясь. – За наше первое свидание.

– Не возражаю! – откликнулась я с энтузиазмом, опрокидывая в себя сладковатый терпкий напиток и чувствуя в нем какой-то необычный привкус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.